

КЕВИН ХИРН

НАММЕКЕД

ПОБЕЖДАЕННЫЙ

ХРОНИКИ ЖЕЛЕЗНОГО ДРУИДА

Urban Fantasy. Новый Магический Реализм

Кевин Хирн

Побежденный. Hammered

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Хирн К.

Побежденный. Hammered / К. Хирн — «Эксмо», 2011 — (Urban Fantasy. Новый Магический Реализм)

ISBN 978-5-04-094369-2

Среди всех представлений людей о загробной жизни Асгард — одно из самых приятных мест. Воздух пропитан здесь ароматами тайны и опасности. Последний друид Аттикус О'Салливан мчится в Асгард, чтобы отомстить легкомысленному богу грома Тору за восемь жизней и женское сердце. Вернется ли он из Асгарда? Какую цену заплатит за то, что сдержит слово, силу и бессмертие?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-094369-2

© Хирн К., 2011
© Эксмо, 2011

Содержание

Путеводитель по произношению	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Кевин Хирн

Побежденный. Hammered

Kevin Hearne

HAMMERED

Iron Druid Chronicles. Book 3

Copyright © 2011 by Kevin Hearne

Разработка серии *Андрея Саукова*

Иллюстрации на переплете и форзацах *Ольги Закис*

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Путеводитель по произношению

Главная проблема, с которой сталкиваешься, когда обращаешься к скандинавской мифологии, состоит в том, что приходится разбираться с переплетением сразу нескольких языков: норвежского, шведского, датского и исландского – плюс древнескандинавский. На нем почти никто не говорит вот уже семь веков, но некоторые филологи считают, что у них имеются достаточно надежные представления о том, как он должен звучать. Я использовал англоязычное написание имен Одина и Тора, поэтому те, для кого английский является родным языком, смогут произносить их правильно. И хотя я использую исландское написание и произношение в большинстве случаев, так бывает не всегда. Иногда я прибегаю к древнескандинавскому произношению, а порой устраиваю путаницу с гласными – просто потому, что мне так хочется. Вы имеете полное право поступать так же; этот путеводитель ни в коей мере ничего вам не навязывает, он, скорее, рассказывает о том, как автор произнес бы те или иные слова, а вы можете либо это принять, либо потешаться надо мной на языковых форумах.

Скандинавские боги

Бальдр (*древнесканд.* Baldr), или Баальдер (также встречается неправильное написание «Бальдур») – в германо-скандинавской мифологии один из асов, бог весны и света.

Браги – бог поэзии.

Видар – бог мщения, сын Одина.

Идунн – в германо-скандинавской мифологии богиня вечной юности, хранительница золотых яблок.

Один – верховный бог в германо-скандинавской мифологии, отец и предводитель асов.

Тор – бог грома.

Тюр – бог поединка один на один.

Улль – в германо-скандинавской мифологии пасынок бога Тора. Замечательный стрелок из лука.

Фрейя – в германо-скандинавской мифологии богиня любви и войны, жительница Асгарда, сестра-близнец Фрейра.

Фрейр – в германо-скандинавской мифологии бог плодородия и лета.

Хеймдалль – в германо-скандинавской мифологии бог из рода асов, страж богов и Мирового древа, обладает потрясающим восприятием окружающей реальности.

Любимые животные скандинавов

Гуллинбурсти – золотой вепрь Фрейра. Технически он является созданием гномов, а не животным, но внешне ничем не отличается от кабана – если не считать размеров и сверкающей золотой гривы.

Ёрмунганд – мировой змей, который всех нас убьет.

Мунин – «Память», один из двух воронов Одина в скандинавской мифологии.

Рататоск – белка, которая живет на/в Мировом древе.

Слейпнир – «скользящий» или «живой, проворный, шустрый» – в германо-скандинавской мифологии восьминогий конь Одина, порождение Локи.

Хугин – «Мысль», один из двух воронов Одина в скандинавской мифологии.

Могучее скандинавское оружие

Гунгнир (*датск., норв., швед. Gungner*) – в германо-скандинавской мифологии волшебное копьё Одина.

Мьёльнир, или Мьёллнир, – в германо-скандинавской мифологии молот бога Тора.

Великие чертоги и обстановка

Бильскирнир – в скандинавской мифологии покои Тора, расположенные в королевстве Трудхейм.

Валаскьяльф – чертог Одина.

Вальхалла, также Валгалла, Вальгалла («дворец павших»), – в германо-скандинавской мифологии небесный чертог в Асгарде для павших в бою, рай для доблестных воинов.

Гладсхейм («Чертог Радости») – жилище скандинавских богов.

Хлидскьяльв – серебряный трон Одина.

Названия мест в Асгарде и Исландии

Альвхейм – один из миров в германо-скандинавской мифологии, родной мир светлых альвов (эльфов).

Ванахейм – древняя страна ванов в Северном Причерноморье.

Вигрид – равнина, поле битвы, где произойдут основные события Рагнарёка.

Иггдрасиль – Мировое древо (дерево жизни) в германо-скандинавской мифологии.

Идаволл, или Идаваллен, – в скандинавской мифологии равнина, на которой жили и веселились асы до прихода трех могучих дев из мира исполинов.

Ётунхейм – земля, населенная великанами ётунами.

Миватн – озеро на севере Исландии.

Муспелльхейм, огненная земля, – в германо-скандинавской мифологии один из девяти миров, страна огненных великанов, огненное царство.

Нидавеллир – родина карликов из скандинавской мифологии.

Нифльхейм (обитель туманов) – в германо-скандинавской мифологии один из девяти миров вселенной, земля льдов и туманов, место обитания ледяных (инеистых) великанов.

Рейкьявик – город на западном побережье Исландии.

Свартальфхейм (*букв.* Дом черных альвов) – в германо-скандинавской мифологии родина темных эльфов.

Хнаппавеллир – город в Исландии.

Хусавик – город в Исландии.

Деревня в Исландии, название которой поможет вам выиграть любое состязание в баре

Киркьюбайярклёйстюр – деревня на юге Исландии; посмотрите, как англоязычный человек пытается произнести название по правилам чтения, принятым в английском языке, – вы получите массу удовольствия. Вы сможете гарантированно выиграть пару кружек пива, а еще пить бесплатно всю ночь, если в баре соберется некоторое количество простофиль.

Глава 1

Принято считать, что белки очень милые существа. Когда они стремглав носятся по стволу или ветвям дерева, люди показывают на них и говорят: «О, какая симпатяжка!», и их голоса, пропитанные медом, по спирали устремляются в экстаз фальцета. Но я намерен рассказать вам, что они остаются славными зверюшками ровно до тех пор, пока на них можно наступить. Однако если ты встречаешь гигантскую белку размером с цементовоз, она сразу теряет большую часть своего очарования.

Я не слишком удивился, глядя вверх на зубы высотой с мой холодильник, подрагивающие усы, подобные длинным пастушьим кнутам, и глаза величиной с шину трактора, уставившиеся на меня, словно вулканические пузыри китайских чернил: я попросту пришел в ужас, когда оказалось, что я совершенно прав.

Моя ученица Грануаль перед тем, как я оставил ее в Аризоне, заявила, что я довольно часто представляю совершенно невозможные вещи.

– Нет, Аттикус, – сказала она, – во всех книгах говорится, что есть только один способ попасть в Асгард – по мосту Бифрёст¹. В «Эддах», поэмах скальдов, говорится, что другого пути нет.

– Конечно, так написано в *книгах*, – ответил я, – но это всего лишь слухи, которые распространяют боги. Однако в «Эддах», если читать внимательно, можно найти правдивый ответ на данный вопрос. Рататоск – вот ключ к задней двери в Асгард.

Грануаль в изумлении посмотрела на меня, неуверенная, что правильно поняла.

– Белка, живущая на Мировом древе? – переспросила она.

– Совершенно верно. Она, точно безумная, носится между орлом, сидящим на вершине, и огромным змеем у корней, доставляя послания, полные клеветы и сарказма, которые они отправляют друг другу, бла, бла, бла. А теперь задай себе вопрос: как она умудряется это делать?

Грануаль обдумала мои слова.

– Ну, судя по тому, что написано в книгах, – два корня Иггдрасиля находятся ниже уровня Асгарда: один покоится в Колодце Мимира в Ётунхейме, а другой уходит в поток Хвергельмир в Нифльхейме, под которым лежит змей Нидхёгг. Из чего я делаю вывод, что он живет в небольшой беличьей норе. – Грануаль покачала головой, отбрасывая столь невероятную мысль. – Но ты не сможешь этим воспользоваться.

– Спорим на обед, что смогу. Отличный домашний обед с вином и свечами и классными современными вкусами вроде салата «Цезарь».

– Салат нельзя назвать современным изобретением.

– Ну, по моей личной временной шкале. Салат «Цезарь» изобрели в 1924 году.

Грануаль вытаращила глаза.

– Откуда ты знаешь такие вещи? – Впрочем, она тут же махнула рукой, показывая, что ответ ей не интересен. – Нет, тебе не удастся меня отвлечь. Я принимаю пари; мы спорим на обед. А теперь предъяви доказательства или отправляйся на кухню.

– Доказательства появятся, когда я заберусь по корню Иггдрасиля, но, – сказал я, поднимая палец, чтобы остановить ее возражения, – я скажу сейчас то, что буквально ослепит тебя, поскольку покажется фантастическим предвидением. Вот как я себе это представляю: Рататоск наверняка отвратительное и агрессивное существо. Сама подумай: орлы обычно едят белок, а злобным змеям по имени Нидхёгг положено жрать все подряд – однако ни один из них не

¹ «Трясушаяся дорога» – в германо-скандинавской мифологии радужный мост, соединяющий Асгард с другими мирами. (Здесь и далее примечания переводчиков.)

пытается даже укусить Рататоска. Они лишь разговаривают с ним, и это не пустая болтовня, они вежливо его просят – не будет ли он так добр передать то-то и то-то их далекому врагу. И они говорят: «Послушай, Рататоск, тебе не нужно спешить. Пожалуйста, не торопись».

– Ладно, ты хочешь сказать, что это большая белка.

– Нет, я хочу сказать, что Рататоск очень, очень большая белка. Размером с Поля Баньяна², потому что его рост пропорционален Мировому древу. Он больше, чем мы с тобой вместе взятые, и достаточно велик, чтобы Нидхёгг рассматривал его как равного себе, а не как объект для перекуса. Единственная причина, по которой мы никогда не слышали о попытках забраться наверх по корням Иггдрасиля, чтобы попасть в Асгард, состоит в том, что такое может задумать только безумец.

– Хорошо, – с усмешкой сказала Грануаль. – И Рататоск ест орехи.

– Верно. – Я кивнул ей, сардонически усмехнувшись.

– Ладно, – принялась вслух размышлять Грануаль, – а где именно находятся корни Иггдрасиля? Полагаю, в Скандинавии, но тебе не кажется, что их должен был обнаружить спутник?

– Корни Иггдрасиля находятся в совершенно другой плоскости, в другом мире, именно в этом и состоит главная причина, по которой никто не пытался по ним забраться. Но они связаны с землей, как Тир на Ног, Елисейские поля или Тартар. И кстати, один твой знакомый друид также связан с землей через свои татуировки, – сказал я, показывая ей покрытую рисунками правую руку.

Грануаль удивленно открыла рот, когда до нее дошел смысл произнесенных мной слов, и она тут же сделала естественный логический вывод:

– Иными словами, ты хочешь сказать, что можешь пойти куда угодно.

– У-гу, – подтвердил я. – Но я не хвастаюсь этим. – Я показал пальцем на Грануаль. – И тебе не следует, когда ты будешь связана с землей. Многие боги уже и без того встревожены из-за меня, ведь они знают, что случилось с Энгусом Огом и Бресом. Но раз уж я убил их в этом мире, к тому же конфликт развязал Энгус Ог, они не считают, что я превратился в смертельно опасного маньяка. В их сознании я умелый мастер самообороны и не представляю прямой угрозы их существованию до тех пор, пока они не затевают со мной ссоры. Кроме того, они продолжают считать, что раз они прежде никогда не видели на своей территории друида, значит, я не могу там появиться. Но если боги узнают, что мне по силам добраться до кого угодно, уровень моей угрозы для них неизмеримо вырастет.

– Но разве сами боги не могут отправиться куда угодно?

– Нет, – сказал я, покачив головой. – Большинство богов способно путешествовать только в два места: свои собственные владения и здешний мир. Вот почему ты никогда не увидишь Кали на Олимпе или Иштар в Абхасваре. Я не посетил и четверти мест, куда мог бы направиться. Никогда не бывал на небесах. Однажды забрел в Нирвану, но там оказалось довольно скучно – пойми меня правильно, красивый мир, но из-за полнейшего отсутствия желаний никто не хотел со мной разговаривать. Маг Мэлл воистину великолепное место, и тебе следует на него взглянуть. А еще отправиться в Средиземье, чтобы взглянуть на Шир.

– Заткнись! – Она стукнула меня по руке. – Ты не бывал в Средиземье!

– Почему нет? Оно связано с нашим миром так же, как и другие. Элронд по-прежнему правит Ривенделлом, поскольку все думают, что он находится именно там, а не на Серых небесах – и скажу тебе, он совсем не похож на Хьюго Уивинга. А однажды я отправился в Аид, чтобы спросить у Одиссея, что говорили сирены, и это было потрясюще. Однако тебе я не могу рассказать.

– Сейчас ты опять заявишь, что я слишком молода?

² Вымышленный гигантский дровосек, персонаж американского фольклора.

– Нет. Просто ты должна услышать это сама, чтобы оценить по достоинству. В том числе попробовать рагу из заячьих потрохов, морских змеев и конца света.

– Ладно, не рассказывай, – прищурившись, сказала Грануаль. – И каков же твой план проникновения в Асгард?

– Для начала я выберу корень, по которому туда полезу, но тут все просто: я не хочу встречаться с Рататоском, поэтому буду подниматься по Ётунхейму. Рататоск не только редко там бывает, этот корень намного короче Нифльхейма. А теперь, раз уж ты столько всего прочитала на данную тему, расскажи мне, куда я должен направиться, чтобы найти место, где Колодец Мимира связан с нашей вселенной.

– На восток, – тут же ответила Грануаль. – Ётунхейм всегда на востоке.

– Правильно. На востоке Скандинавии. Колодец Мимира привязан к субарктическому озеру, расположенному неподалеку от маленького русского города Надым. Именно туда я и направлюсь.

– Я не слишком хорошо знаю маленькие русские города. Где именно находится Надым?

– В западной части Сибири.

– Ладно, ты отправишься к озеру, и что потом?

– Там будет древесный корень, который питается водой из озера. Это не корень ясеня, скорее – низкорослого вечнозеленого дерева, потому что там тундра. Как только я его найду и прикоснусь к нему, я свяжу себя с ним, подтяну свой центр вдоль этой связи, затем обниму корень Иггдрасиля в норвежской вселенной, и озеро будет Колодцем Мимира.

Глаза Грануаль засияли.

– Не могу дождаться момента, когда смогу это сделать. А оттуда ты заберешься наверх, верно? Потому что корень Мирового древа должен быть огромным.

– Да, таков план.

– И как далеко от Иггдрасиля до жилища Идунн?

Я пожал плечами.

– Никогда там раньше не бывал, поэтому сначала немного полетаю. Мне не доводилось видеть карт этого места; казалось бы, кто-то уже давно должен был их сделать, но не-е-е-ет.

Грануаль нахмурилась.

– А ты хотя бы знаешь, где обитает Идунн?

– Нет, – ответил я с грустной улыбкой.

– В таком случае, тебе будет трудно украсть яблоко для Лакши.

Да, мои перспективы внушали определенные опасения, но сделка есть сделка: я обещал украсть золотое яблоко из Асгарда в обмен на двенадцать мертвых вакханок в Скоттсдейле. Лакша Куласекаран, индийская ведьма, выполнила свою часть сделки, и теперь пришла моя очередь. Я надеялся, что сумею повернуть эту авантюру без тяжелых последствий для себя, поскольку отступить от сделки с Лакшой не было никаких шансов.

– В любом случае, это будет настоящее приключение, – сказал я Грануаль.

Судя по всему, приключение, включающее общение с белками. Когда я посмотрел на реального Рататоска, на удивление точно соответствовавшего моим представлениям о нем, у меня слегка отвисла челюсть – размеры грызуна, сидевшего надо мной на Мировом древе, оказались колоссальными, и с моих губ невольно сорвались слова старой рекламы шоколадных батончиков:

«Иногда ты чувствуешь себя орехом, – проникновенно пел я, – иногда нет».

Я искренне рассчитывал, что Рататоск окажется на другом корне или просто будет находиться в зимней спячке. Было 25 ноября, день Благодарения в Америке, и Рататоск выглядел так, будто он съел всех индеек Род-Айленда и готов заснуть до самой весны. Но он меня увидел, и даже если он не захочет откусить мне голову своими секачами, он расскажет кому-нибудь,

что человек из Мидгарда взбирается вверх по корню, весь Асгард узнает о моем прибытии, и тогда можно будет забыть о том, что моя миссия должна быть тайной.

Я неустанно взбирался вверх по Иггдрасилю, связывая колени, ботинки и куртку с корой и черпая энергию через руки, потому что находился на Мировом древе, которое стало для меня тем же, чем являлась земля после того, как я сменил вселенные. Пока все шло хорошо, мне не грозила опасность свалиться, но я не мог рассчитывать, что составлю конкуренцию Рататоску в быстроте и ловкости. По сравнению с ним я двигался как ледник, и Асгард все еще находился в милях от меня.

Рататоск сердито застрекотал, увидев меня, его могучее дыхание отбросило мои волосы назад, и я почувствовал запах несвежих орехов. Мне доводилось встречать запахи много хуже, но и этот нельзя было назвать приятным. И совсем не случайно ни у одной парфюмерной компании нет линии под названием «Огромная грёбаная белка».

Я привел в действие амулет на своем ожерелье, который называю «очки фейри», – он позволяет мне видеть все, что происходит в магическом спектре, и показывает связь вещей между собой. Кроме того, он упрощает создание собственных заклинаний, потому что я вижу в режиме реального времени узлы, которые пытаюсь завязать.

И я увидел, что Рататоск очень тесно связан с Иггдрасилем, и с ужасом обнаружил, что во многих смыслах он являлся своего рода веткой дерева, продолжением его сущности, и причинить вред белке равносильно тому, чтобы навредить дереву. Я не хотел этого делать, но у меня не оставалось выбора – если только я не договорюсь с ним, и Рататоск не даст клятву на мизинчиках никому не рассказывать о моем намерении украсть золотые яблоки Идунн.

Я сконцентрировал свое внимание на нитях, представлявших его сознание, и осторожно связал их с собственным, пока не появилась возможность общения. Я все еще мог говорить на древнескандинавском языке, распространенном в Европе до конца тринадцатого века, и не сомневался, что Рататоск тоже его знает, ведь он был созданием разума этого народа.

«Я приветствую тебя, Рататоск», – отправил я послание через созданную мной связь. Он вздрогнул, когда у него в голове прозвучали мои слова, и кончик его хвоста стегнул меня по лицу, когда он быстро поднялся вверх по стволу, после чего снова развернулся и с сомнением на меня посмотрел.

«Кто ты такой, клянусь ледяным адом? – последовал ответ, и массивные усы взволнованно зашевелились. – И что ты делаешь на корне Мирового древа?»

Поскольку я поднимался по стволу из серединной вселенной, существовало всего три места, откуда я мог появиться. Я не был ледяным великаном из Ётунхейма, и он никогда не поверит, что я простой смертный, решивший забраться вверх по корню, поэтому мне пришлось слегка исказить правду и рассчитывать, что Рататоск купится на мою выдумку.

«Я посол, отправленный из Нидавеллира, страны карликов, – объяснил я. – Я не из плоти и крови, а новое создание. Вот почему у меня такие огненные волосы и от меня так отвратительно пахнет».

Я понятия не имел, как пах с точки зрения Рататоска, но, поскольку моя одежда была из новой кожи с сопутствующими дубильными запахами, я полагал, что от меня воняло, как от парыдохлых коров, и я решил, что с моей стороны будет разумно представить мой запах и персону как нечто несъедобное. Норвежские карлики знамениты своим умением создавать образы и фигуры, которые перемещаются и выглядят как нормальные существа, но очень часто обладают особыми свойствами. Однажды они сделали для бога Фрейра вепря с золотой гривой, ярко сиявшей в ночи, способного ходить по воде и оседлать ветер. Они назвали его Гуллинбурсти, что означало «Золотая щетина». Так что сами подумайте, на что они способны.

«Меня зовут Эльдхар, я создан Эйкинскьяльди, сыном Ингви, сыном Фьялара», – сообщил я Рататоску.

Все три имени гномов я взял из «Старшей Эдды». Толкиен нашел «гномов» и Гэндальфа в том же источнике, и я не видел причин, по которым не мог воспользоваться некоторыми из них для собственных целей. Эльдхар означает всего лишь «Огненные Волосы»; и я решил, что раз уж я прикидываюсь искусственным созданием, мое имя должно сочетаться с такими именами, как Гуллинбурсти.

«Я направляюсь в Вальхаллу, чтобы по просьбе короля карликов поговорить с Одином Всеотцом, Одноглазым скитальцем, Серым мастером рун, Всадником Слейпнира, Метателем Гунгнира. Это очень важный вопрос, и он связан с опасностью, которая грозит норнам».

«Норны! – Рататоск так встревожился после этих слов, что застыл на полсекунды. – Те трое, что живут у Колодца Урд?»

«Они самые. Ты pomoжeшь мне совершить путешествие, чтобы ускорить мою важнейшую миссию и Мировое древо не пострадало?»

В обязанности норн входило поливание дерева из колодца, и они упорно вели вечную битву с гниением и временем.

«Я с радостью отведу тебя в Асгард! – сказал Рататоск, развернулся, быстро переместился назад и учтиво вытянул в мою сторону заднюю ногу, сдвинув в сторону пушистый хвост. – Ты сможешь забраться мне на спину?»

Это заняло больше времени, чем мне хотелось, но в конце концов я залез к нему на спину, крепко связал себя с рыжим мехом и заявил, что готов к путешествию.

«В путь», – просто сказал Рататоск, и мы помчались вверх по стволу, при этом огромное волшебное существо так раскачивалось, что я испугался за свою селезенку.

Однако мне не стоило жаловаться. Рататоск оказался даже больше, чем я представлял, и вдобавок к огромным размерам и невероятной скорости, удивительно доверчивым и готовым помогать незнакомцам, если они говорили на древнескандинавском языке. Я подумал, что, быть может, мне все-таки не придется его убивать.

Глава 2

Большая часть визуальных представлений скандинавской космологии основана на принципе: «Ты не можешь попасть туда отсюда». Причина в том, что космология не является волшебной лишь в том смысле, что она полностью отрицает любую науку, но она внутренне непротиворечива, и такие, как я, превращают себя в особые узлы, чтобы там перемещаться. К примеру, в некоторых источниках мир мертвых Хельхейм находится в Нифльхейме, в царстве льда, а в других является обособленным местом, отдельным от Нифльхейма, поэтому ты в буквальном смысле должен быть в двух местах одновременно, если хочешь нанести туда визит. Муспельхейм, царство огня, расположено просто на «юге», но складывается впечатление, что никто не знает, как туда попасть.

К счастью, ни одно из этих мест не являлось целью моего путешествия; мне требовалось оказаться в Асгарде и украсть одно из золотых яблок Идунн для Лакши, чтобы она не вторглась в мой мозг и не выключила его. (Я не знал, способна ли она на такое, и надеялся, что мой амулет меня защитит, но подобные вещи не стоит проверять на практике.)

Рататоск нес меня в нужном направлении, поэтому я не сомневался, что доберусь до Асгарда, пусть и с пострадавшей селезенкой – впрочем, она вполне могла остаться в целости и сохранности. Ну а что произойдет, когда я там окажусь, скорее всего станет для меня сюрпризом. В самом худшем варианте сценария я попаду туда в тот момент, когда боги соберутся на совет у Колодца Урд, рядом с норнами, Рататоск сбросит меня рядом с ними и скажет: «Привет, все! Эльдхар принес нам плохие новости из Нидавеллира!», и тогда мне надерут задницу по полной программе.

Я подумал, что, возможно, мне следует попытаться этого избежать.

«*Рататоск, как скоро мы попадем в Асгард?*» – спросил я, когда мы мчались по огромному древесному корню, гораздо толще, чем секвойя, но с серой и гладкой корой, а не красной, покрытой бороздками.

«Осталось меньше часа», – ответил Рататоск.

«*Ой, как быстро. Один обязательно похвалит твою скорость, когда я расскажу ему, как ты мне помог. Может быть, ты знаешь, не собрались ли сейчас боги на совет возле Колодца Урд?*»

«Они рано встают и наверняка уже закончили все разговоры. Но норны там будут. Почему бы тебе просто не рассказать им о возникших проблемах? Эй...»

Внезапно Рататоск остановился под воздействием нахлынувших мыслей, и если бы я не был связан с его шерстью, то довольно долго летел бы вверх, пока гравитация не вернула бы меня обратно.

«Разве норны не должны предвидеть приближение опасности? Почему они не предупредили остальных?»

Очевидно, Рататоск не мог одновременно думать и бежать.

«*Опасность исходит из источника, расположенного за пределами Асгарда*, – объяснил я, а потом скормил белке ложь. – *От римлян. Римские богини судьбы, парки, отправили Вакха и его приспешников расправиться с норнами, зная, что те не смогут узнать о его приближении*».

«Ой. – Рататоск снова помчался вверх, но через несколько шагов остановился, когда новая мысль помешала ему двигаться дальше. – Почему король карликов об этом знает, а Один – нет?»

Какая любознательная белка.

«*Он узнал от короля темных эльфов. Этот подлый замысел созрел в их злобных головах*».

Как только возникают какие-либо сомнения и вопросы, вини во всем темных эльфов.

«О-о-о-о-ой, – знающе сказал Рататоск, и я решил, что он мне поверил: ведь если кто-то и способен иметь тайны от Одина, так это только темные эльфы. – И когда придет Вакх?»

«Король карликов полагает, что Вакх уже в пути. Время играет огромную роль. "Поспешностью отметьте ваше рвенье"»³, Рататоск».

«Я так и сделаю. – Успокоенный и полный новых сил, Рататоск помчался по корню Иггд-расиль еще быстрее. – А Вакх могущественный бог?»

«Говорят, не один герой обделался, увидев его. Он сводит людей с ума. Однако я не знаю, как у него получится с норнами. Опасность в неожиданности. Если норны не в силах предвидеть его появление, он сможет застать их врасплох. Лучшей защитой им послужит мое предупреждение, и с твоей помощью боги Асгарда успеют подготовить достойный прием римскому выскочке».

«Надеюсь, я там буду и все увижу, – сказал Рататоск, явно предвкушая великолепное зрелище. – Прошло столько лет с тех пор, как боги отнимали у кого-нибудь орешки».

Его эвфемизм удивил меня, пока я не вспомнил, что беседую с белкой; затем при помощи нашей связи я получил подтверждение своей догадке – он использовал это выражение, имея в виду победу над врагом.

Я мысленно согласился с ним и замолчал, размышляя о реальных событиях, лежавших за моей ложью. Норны соберутся у ствола Иггдрасиля, пока мы поднимаемся к Асгарду. Я не сомневался, что они не будут знать, что прибуду именно я – и не потому, что я бог, вроде Вакха, из другого пантеона, – просто мой амулет защищал меня от любой ворожбы. Однако они непременно поймут, что на этот раз Рататоск кого-то несет к ним у себя на спине. В лучшем случае они испытают любопытство, в худшем заподозрят во мне серьезного врага, и тогда спланируют что-нибудь очень для меня неприятное.

Они даже могут послать кого-нибудь проверить, кто приближается к Асгарду на спине Рататоска. Как только эта мысль пришла мне в голову, я на всякий случай сотворил заклинание маскировки на себя, свою одежду и меч. Если верить мифологии, древние скандинавы не сумеют проникнуть сквозь него; они постоянно обманывали друг друга в «Эддах», меняя свой облик, причем не всегда прибегая к магии.

Нам все еще предстояло преодолеть значительный отрезок пути, и я решил, что сейчас самое подходящее время для разведки. Я сказал Рататоску, что мой создатель Эйкинскьяльди сообщил мне только базовые сведения об Асгарде, а потому не будет ли он так добр и не заполнит ли пробелы в моих познаниях? Рататоск не стал отказываться, и я обрушил на него вопросы из старых мифов: связан ли Локи до сих пор внутренностями своего сына? Да. Функционирует ли до сих пор мост Бифрест и охраняет ли его бог Хеймдалль? Да. Перестали ли обмениваться оскорблениями орел и змей?

«Вовсе нет! – рассмеялся Рататоск. – Хочешь послушать последние?»

«Давай».

«Нидхёгг говорит, что орел – это срущая сливками щетка из перьев, которая даже не знает, как ее зовут!»

«Неплохо, – признал я, – точно и кратко. А орел нашел, что ответить?»

«О, да, у орла нашелся ответ. Я уже спускался вниз, чтобы его доставить, но норны велели мне отправиться на этот корень, где я найду нечто необычное. Хей! – Он остановился. – Должно быть, они имели в виду тебя, потому что ты чудной».

«Да, про меня так уже говорили прежде», – признался я.

«Получается, они знают, что ты к ним направляешься, и это хорошо», – заявил Рататоск и снова помчался вверх по стволу.

³ «Гамлет», акт первый, сцена вторая, перевод М. Лозинского.

Лично я не считал, что это хорошо. Подтверждение того, что норны меня ждали, было отвратительным известием.

«В общем, – продолжал Рататоск, – орел сказал: “Нидхёгг может засунуть левую половинку своего языка в мою клоаку и ощутить, что я думаю об обладании именем”. Но мне кажется, он уже говорил нечто очень похожее триста лет назад».

«Какие у них необычные отношения. Кстати, если уж разговор зашел о странностях, почему Идуин вышла за Браги, бога поэтов?»

Не самый изощренный способ заговорить о том, что меня на самом деле интересовало в Асгарде, но я уже сумел понять, что в разговорах с Рататоском особая хитрость не требовалась.

Рататоск заметно замедлил свой бег, обдумывая мой вопрос, но на этот раз останавливаться не стал.

«Полагаю, дело в том, что им нравится спариваться друг с другом», – сказал он, после чего помчался быстрее.

«Вне всякого сомнения, это одна из причин, – согласился я. – Но мне кажется, что их жизнь полна неудобств. Ведь яблоки Идуин растут далеко от города Асгард, а значит, далеко от богов, являющихся аудиторией Браги?»

Рататоск пронзительно застрекотал, что сначала меня испугало, пока через нашу связь я не понял, что мне удалось его развеселить. Так он смеялся.

«Никто не знает, где растут яблоки. Это тайна, которую очень тщательно охраняют. Но они действительно живут далеко от Асгарда».

«О, тогда мое предположение оказалось верным. И где же они живут?»

«К северу от гор Асгард, на границе между Ванахеймом и Альвхеймом. Их жилище находится со стороны Ванахейма, с другой – живет Фрейр. Их невозможно не найти».

«Правда? А почему?»

«Потому что ночью грива великого вепря Гуллинбурсти озаряет небо, даже если он внутри хлева».

«Мне говорили, что жилище Фрейра находится в Альвхейме, но я не думал, что на границе. Мне бы хотелось навестить Гуллинбурсти, ведь он является искусственным существом, как и я, но мои создатели рассказали мне очень мало кроме того, как попасть в Гладсхейм. Быть может, я отправлюсь к нему после того, как доставлю свое послание. Как мне добраться до жилища Фрейра из Гладсхейма?»

«Беги ровно на север», – сказал Рататоск.

Конечно, мне никто ничего не рассказывал про Асгард, но, спрашивая о том, где относительно Гладсхейма находятся места, воспетые в сагах, я мог постепенно составить представление о том, как они расположены в этом мире. Мне стало немного стыдно из-за того, что я пользовался доверчивостью мохнатого существа, но я безжалостно отбросил сомнения и продолжал задавать вопросы. Информация, полученная от Рататоска, увеличивала мои шансы на спасение без жестоких столкновений; кроме того, он охотно делился со мной сочными сплетнями о богах. Хеймдалль с недавних пор проводит много времени в покоях Фрейи. У кошек Фрейи недавно родились котята, но псы Одина съели трех. И Один не хочет, чтобы кто-то упоминал в его присутствии имя Бальдра.

«Кстати, об Одине, возле нас кружат Хугин и Мунин».

«Где?»

«Посмотри налево».

Две далеких темных тени на лазурном небе выдавали присутствие воронов Одина, который видел все, что видят они. Меня посетила пугающая мысль: что, если они способны проникнуть сквозь мою маскировку? Я надеялся, что им это не под силу.

«Теперь я их вижу», – сказал я Рататоску.

«Ты ведь должен передать сообщение Одину, верно? Почему бы просто не сказать им?»

«Я не могу говорить с ними так, как с тобой».

Скорее всего, я очень даже мог, но сейчас мне совсем не хотелось связывать себя, пусть и опосредованно, с разумом Одина.

«Ты не можешь? Ну, так мне по силам сделать это вместо тебя. Просто скажи, что нужно передать».

Черные тени постепенно росли, но я не мог просто сказать: «У меня приказ передать сообщение лично Одину», потому что вóроны во многих смыслах являлись самим Одним. Они были Мыслью и Памятью. Пришло время для новой лжи – и обвинений в адрес темных эльфов.

«Передай им, что Вакх придет покончить с норнами, – сказал я. – Темные эльфы в Свартальфхейме объединились с римлянами, чтобы помочь Вакху попасть в Асгард по тайному туннелю, который они копают уже целое столетие. Я сообщу подробности, когда доберусь до его трона в Гладсхейме».

«Ладно, я им скажу».

Мы внезапно остановились, чтобы Рататоск мог сосредоточиться на разговоре с вóронами. Я не слышал, чтобы он произнес хотя бы один звук, но через несколько секунд вóроны повернули и полетели в обратном направлении.

«Один разгневан, – сообщил мне Рататоск, возобновляя свой бег, – но он будет ждать тебя в Гладсхейме».

«Спасибо», – сказал я.

Я хотел, чтобы Один находился в Гладсхейме, а не в другой своей резиденции, Валаскьяльфе. Там у него имеется серебряный трон, Хлидскьяльв, и легенда гласит, что оттуда он видит все – возможно, даже скрытого заклинанием невидимости друида.

«Осталось совсем немного, – добавил Рататоск. – Скоро мы будем на ветвях Иггдрасиля и окажемся на поверхности в Асгарде».

Я посмотрел вверх, но не сумел увидеть ничего определенного из-за мощной турбулентности, создаваемой белкой. Я лишь понял, что небо над нами исчезло; мы поднимались и входили в тень огромного... участка земли. Это был Асгард.

Мощные горы поддерживали глыбы плодородной коричневой земли, а тонкие корни развевались на ветру как волосы, выросшие в ушах старика.

Над нами, между землей и стволом Иггдрасиля, не было открытого пространства, куда могла бы направиться белка, и я подумал, что Рататоск собирается протаранить себе дорогу – или будет продолжать с пыхтением пробиваться сквозь крутые оптические иллюзии, созданные Брюсом Уэйном у входа в свою пещеру. Однако вместо этого он проскользнул в большую дыру в корне Мирового древа, невидимую до того момента, пока мы не оказались прямо перед ней, и на короткое время – половину вдоха – мы находились горизонтально на чем-то вроде ковша, небольшой вогнутой поверхности в основании длинной деревянной гортани, которая разверзлась над нами.

Задняя стена была гладкой, а пол, на котором мы оказались – неровным, усеянным шелухой от орехов и клочьями меха. В конце короткого прохода я разглядел грудку целых орехов и неровное гнездо из листьев, сложенных на небольшой площадке. Я решил, что именно там Рататоск отдыхает зимой. Внутреннюю стену – точнее, противоположную сторону внешней коры корня, – покрывали глубокие шрамы и борозды, идеальные, чтобы лазать по ним, и Рататоск (вместе со мной) прыгнул туда, чтобы продолжить подъем, используя удобную поверхность.

Мы поднимались в стигийском мраке, и свист ветра в моих волосах создавал ощущение глубины.

«Как долго мы будем подниматься в темноте?» – спросил я у Рататоска.

«Скоро ты увидишь свет, – ответил он. – Это будет дыра в корне над травянистой равниной Идаволл».

«А как далеко до равнины?»

«Всего лишь длина белки».

«Ты имеешь в виду свою длину?»

«Конечно. Если бы дыра находилась на уровне земли, здесь была бы грязь».

«Теперь я вижу свет. Превосходно. Несомненно, ты лучший из белок».

«Спасибо», – ответил Рататоск со смущением и гордостью.

Он был таким милым существом, и я коротко улыбнулся, сидя у него на спине, но тут же нахмурился, глядя на свет. С каждым следующим прыжком Рататоска я неотвратимо приближался к норнам и никак не мог на это повлиять, поскольку они предвидели каждое движение Рататоска. Теперь, ко всему прочему, я начал опасаться, что они разделяют мою паранойю, и им так не терпится меня атаковать – невидимую и неопределенную опасность на спине Рататоска, – что они сознательно пойдут на сопутствующий ущерб и нанесут раны как врагам, так и друзьям.

Я не хотел, чтобы Рататоск пострадал, но не мог допустить, чтобы он остановился, ведь норны будут к этому готовы. Сейчас Рататоск вез меня прямо к ним, где они могли легко со мной разобраться, пока я сидел верхом на белке, мчавшейся вверх по стволу. Пропавши оно все пропадом!

Рататоск выскочил из дыры в корне и направился к внешней поверхности, я же, как только увидел землю примерно в десяти футах под собой, разорвал связь с его мехом, спрыгнул вниз и сделал сальто, чтобы приземлиться на ноги. Последовало хриплое проклятье, вспышка света застала меня в воздухе, я услышал (и почувствовал) крик Рататоска, когда рухнул на землю, и удар болью отозвался в моих лодыжках и коленях. Крики белки не прекращались, и я откатился вправо, опасаясь, что Рататоск меня раздавит, если упадет с дерева. Но этого не случилось; вопли Рататоска внезапно смолкли, связь между нашими разумами разорвалась, я поднял глаза и увидел лишь дождь из пепла и фрагментов костей, летевших вниз с Мирового древа.

Я разинул рот, возможно, даже вскрикнул. Норны уничтожили белку – существо, которое знали столетия, – и все из-за меня. Как если бы на моих глазах Санта-Клаус застрелил Рудольфа⁴.

Очевидно, норны посчитали, что от меня исходит жуткая угроза, если действовали так поспешно. Я оторвал взгляд от останков белки и с опаской посмотрел на них, оставаясь неподвижным, чтобы усилить действие заклинания невидимости.

Они не могли меня видеть. Из пламенеющих желтых глаз шел дым, но норны смотрели на кружившие в воздухе останки Рататоска. Это были сгорбленные старухи со скрюченными пальцами, и на их лицах застыло такое выражение, о котором предупреждают матери своих детей, когда говорят, что они могут остаться такими навсегда. Грязное серое тряпье отлично сочеталось с жирными волосами, облепившими головы. Все трое медленно приближались к дереву, чтобы убедиться, что опасность миновала.

Но очень скоро они сообразили, что это не так.

– Он еще здесь, – заявила одна из них, склонив голову на кривой шее. – Опасность остается.

Опасность для кого? Я прибыл не для того, чтобы с ними сражаться. Мне всего лишь требовалось заполучить один очень редкий продукт, который имелся только здесь. Они заслужили хорошего пинка под зад за то, что сотворили с Рататоском, и мне отчаянно хотелось отвесить его каждой из них, но ссора с ними не входила в мои планы, в особенности после того,

⁴ Красноносый северный олень – персонаж литературы и кинематографа.

как они с такой легкостью сожгли гигантского грызуна. Я сделал шаг вправо, приготовившись броситься бежать, однако они уловили движение, все три головы повернулись и уставились на меня своими мерзкими глазами, похожими на желтки.

– Он там! – крикнула средняя, указав в моем направлении; все трое тут же запели что-то на каком-то очень древнем языке и направили в мою сторону открытые ладони, и из их грязных ногтей посыпалась отвратительная пыль.

Я не знал точно, для чего именно предназначалась пыль; скорее всего, в ее задачу входило меня прикончить. Быть может, учитывая их преклонный возраст и немощь, старухи думали, что швыряют в меня конфетти – впрочем, вели они себя совсем не доброжелательно и не гостеприимно. Скорее уж наоборот, если быть честным до конца. Мой амулет из холодного железа на секунду вспыхнул, подтвердив, что они попытались меня убить, и желудок как-то странно сжался, заставив меня оглушительно пукнуть.

Обычно я смеюсь над такими вещами, потому что подобные звуки разряжают напряженную обстановку. Но сейчас такая реакция не имела ничего общего с нормальным результатом деятельности пищеварительного тракта; это был смертельно серьезный пук, знак того, что малая толика магии норн сумела обойти защиту моего амулета – возможно, одна-единственная пылинка, – и это меня встревожило.

– Он жив! – разразилась проклятиями правая карга, и это окончательно развеяло мои сомнения относительно их намерений.

Вероятно, мне следовало броситься бежать. Но я понимал, что тогда, если я спасусь, они поднимут тревогу, и весь Асгард начнет меня искать, а такое никогда не заканчивается добром. С точки зрения стратегии, логики и интуиции мне следовало защищаться и покончить с ними. Как только подобное решение принято в период кризиса, наступает время хладнокровной казни, и в действие вступают базовые части мозга.

Тряпье на телах костлявых старух было из натуральной шерсти, что позволяло мне совершить ряд простых манипуляций. Когда норны засунули когти в карманы за очередной порцией пыли и начали скандировать что-то новое и еще более жуткое на своем древнем языке, я пробормотал заклинание для материала на их лопатках. Старух тут же сорвало с места, и они оказались прижаты друг к другу спинами. Получился шипящий человеческий треугольник. Это привело к тому, что они не сумели довести до конца заклинание – начали скалить зубы и выть. Я сделал паузу; и едва не оставил их на месте, связанных собственной одеждой и ставших беспомощными.

Но они почти сразу успокоились и принялись кружиться на месте, тихонько скандируя что-то ядовитое. Каждая по очереди поворачивалась ко мне лицом, вытаскивала нить из своего одеяния и передавала ее сестре, находившейся слева. Они начали сплетать нити, продолжая скандировать и вращаться. Семь видов жути сразу – я не мог допустить, чтобы они завершили свое заклинание, потому что оно наверняка покончило бы со мной. Я обнажил Мораллтах и бросился в атаку, уже не беспокоясь, что они могут уловить мои шаги. Желтые глаза округлились, когда норны слышали мое приближение, но они уже не могли остановить скандирование, да и я должен был довести дело до конца. Я широко размахнулся, и клинок Мораллтаха рассек их шеи – три головы полетели, как три серых клубка шерсти, – так скандинавы избавились от цепей судьбы. А я нырнул в галактическую пучину рока.

– Проклятье! – закричал я, разочарованный тем, как все пошло.

Я снял заклинание, позволил обезглавленным телам упасть на землю и сам опустился рядом под тяжестью только что совершенного действия.

Если ты украл волшебное яблоко, можно просто исчезнуть. Именно так я и собирался сделать. Но стоит тебе уничтожить олицетворение судьбы, и «Они тебя найдут», как говорил Ганс Грубер из «Твердого орешка».

Я задумался о том, чтобы отказаться от моей миссии. Эта мысль обладала привлекательностью, и в ней был пикантный вкус неожиданности. Я мог попытаться стать безработным в Гренландии. Может быть, так я сумел бы уйти из-под радаров. Я не сомневался, что там Лакша никогда бы меня не нашла.

Но только не древние скандинавы. К тому же Оберон будет переживать. Так что мысль сбежать имела горькое послевкусие.

И все же у меня было время, чтобы придумать какой-нибудь надежный вариант – я обещал добыть золотое яблоко до Нового года, Лакша не станет меня искать до назначенного срока, а это позволит мне составить тщательный план исчезновения.

Вот только тогда мне придется убежать от Лакши и от скандинавов. Нравится мне это или нет, но убийство норн в целях самозащиты сделало меня врагом всего пантеона. Так что кража яблока едва ли ухудшит мое положение. Поэтому я решил продолжить свою миссию и выполнить обещание, данное Лакше.

Я вытер Мораллтах об одеяние одной из норн и вернул клинок в ножны, после чего присел на корточки и погрузил пальцы сквозь палую листву в упругую почву Асгарда, которая на удивление оказалась похожей на торфяник – во всяком случае, поблизости от Иггдрасиля. Тела норн стали отвратительно черными. Я заговорил с землей через мои татуировки, и она признала меня, однако показалась далекой и отстраненной, словно с трудом пробивалась сквозь слой марли. Потом она послушно раздвинулась, чтобы принять тела норн в свои торфяные глубины, и на ее поверхности не осталось никаких следов произошедшего.

Покончив с этим, я поискал на земле поблизости от дерева и нашел мелкие останки Рататоска, лучшего из белок. Я был рад, что в конце он гордился собой. Я тщательно сложил остатки костей в мешочек, висевший у меня на поясе, решив, что позднее произнесу над ними необходимые слова.

Норн хватятся, когда утром боги будут держать совет, поэтому мне требовалось до этого украсть золотое яблоко и убраться восвояси. Я не мог позволить себе медлить, но потратил несколько секунд, глядя на могучий ствол Иггдрасиля и запоминая путь к спасению. Его размеры поражали воображение; дерево тянулось на мили в обоих направлениях, и складывалось впечатление, что передо мной огромная деревянная стена, а не цилиндр.

Я пришел к выводу, что должна существовать еще одна дыра в стволе, ведущая в Нифльхейм. Несколько минут бега против часовой стрелки – и я ее нашел; оказалось, что она больше размером и чаще используется, чем первая. Удовлетворенный тем, что теперь я не перепутаю две дыры и выберу нужный путь домой, я последовал в направлении, которое сообщил мне Рататоск, – не в Гладсхейм, а сразу к жилищу Идунн. Я побежал на запад, забирая немного к югу, в сторону самой северной гряды гор Асгарда, решив, что, если сумею добраться туда после наступления ночи, что выглядело вполне выполнимым, грива Гуллинбурсти послужит мне отличным маяком.

С каждым шагом я забирал толику энергии у земли, чтобы оставаться свежим и неутомимым. По моим расчетам, я должен был добраться до места, когда Один вызовет ярость богов из-за слухов о предательстве Свартальфхейма и вторжения римского бога. Я очень прилично разворошил муравейник скандинавов, и теперь боги бросятся искать подходящую жертву.

Глава 3

Во многих отношениях я разочарован тем, что «Звездный путь» не стал религиозным культом. Предпосылок для этого было предостаточно, но его создатели не попытались сделать нечто более значительное, чем просто телевизионный сериал. Если бы они капитализировали его, приверженцы получали бы приказы призрачных богов Федерации на исследование новых миров и отважно направлялись бы туда, где прежде не ступала нога человека; команда «Энтерпрайза» обрела бы статус малых богов – возможно, ангелов, – каждый день проводящих нас через наши личные рубежи. Спок стал бы ангелом логики, он сидел бы на вашем левом плече, указывал на ошибочные рассуждения и предлагал различные варианты действий, в то время как Кирк в роли ангела эмоций устроился бы на правом, убеждая препоясать чресла, довериться интуиции и следовать инстинктам.

«Убей их всех, Аттикус, – сказал в мое правое ухо воображаемый Кирк. – Одного удара Мораллтаха хватит. Они тебя не видят, это будет совсем просто».

«Это неразумно», – заявил воображаемый Спок, обращаясь к остаткам хряща, болтающегося слева, на месте уха. Немецкая ведьма отстрелила большую его часть три недели назад, и хотя исцеление прошло лучше, чем после того, как демон откусил правое ухо, левое все еще выглядело не слишком привлекательно.

«Лучше всего завершить миссию незаметно. Вероятность получения ранений или смерти увеличится экспоненциально, как только станет известно о твоём появлении, с учетом времени, которое потребуется, чтобы поднять тревогу».

Кирк тут же распрощался с самоконтролем.

«Проклятье, Спок, мы находимся в другом мире, а в жизни иногда возникает необходимость сказать: “пропади оно все пропадом” – и позволить своим яйцам развеваться легко и свободно. Верно, Аттикус? Убей их всех! За Рататоска!»

«Капитан, наша миссия состоит в том, чтобы украсть яблоко, дарующее жизненную силу юности тому, кто его съест, ничего больше. Массовое убийство нецелесообразно и не является необходимым».

«Да что с тобой, Спок? Неизменное благоразумие и осторожность, постоянное желание ходить на цыпочках среди тюльпанов. Неужели в твоих вулканических трусах не осталось ни одного камня?»

«Мои репродуктивные органы на месте и в полнейшем порядке, капитан, но это едва ли имеет отношение к нашей дискуссии. Нельзя решать любую проблему при помощи насилия и мужского шовинизма».

«Почему нет? У Чака Норриса получается».

Так я себя развлекал, когда бежал в течение нескольких часов и больше не мог тревожиться о девятистах девяти возможных способах умереть. Мне бы следовало захватить айпод.

Болотистая земля, окружавшая Игтдрасиль, сменилась под моими ногами равниной Идаволл, представлявшей собой внушительное открытое пространство, заросшее буйными травами, в которых прятались жирные фазаны, степные полевки и гладкие рыжие лисицы. Облака висели, точно клочья ваты, на пронзительно голубом небе, ветер поздней осени приносил ароматы травы и земли. Стоял чудесный день, но я не мог насладиться им по полной программе. Любый следопыт заметил бы дорожку, которую я оставлял за собой, и хотя это было частью игры «Найди и уничтожь чужака», я не мог не испытывать тревоги.

Я поймал себя на том, что хочу, чтобы Скотти – святой покровитель всех путешественников? – просто доставил меня через равнину к жилищу Идунн. Телепортация доступна лишь богам – как и двигатели, развивающие скорость, превышающую сверхсветовую при помощи всего лишь вспомогательных установок и таинственных обходных путей.

Люди склонны считать, что друиды наделены способностью к телепортация, но это, конечно, чепуха. Я никогда не разбирал свои атомы на части в одном месте, чтобы собрать их в другом. Однако мог бежать милю за милей, не уставая, что сейчас и делал, быстрее, чем любой обычный человек. Я мошенничал, спрямляя путь через Тир на Ног, где любая роща могла быть связана с любым лесом фейри на земле – под лесом фейри я понимаю здоровую лесистую местность.

Путь из Аризоны до России занял у меня менее пяти минут: я перебрался в Тир на Ног, нашел узлы, ведущие к лесам Сибири, которые представлялись мне в виде железной дороги, и помчался вдоль них, пока не оказался на другой стороне глобуса, в стране борща и забавных меховых шапок. Но сначала мне потребовалось добраться из Темпе до Аравайпа-Каньон-Уайлдернес, что заняло у меня почти два часа. Но, оказавшись в настоящем лесу в России, я совершил приятное трехчасовое путешествие по земле в заполярную тундру, к озеру, связанному с Колодцем Мимира.

Теперь возможности сократить путь больше не было, и мне предстояло просто бежать к цели. Впрочем, я пришел к выводу, что это не так уж плохо. Моя жажда телепортации улетучилась, когда я привык к ощущению земли и потоку бегущей под ней магии. Среди всех онтологических представлений людей о загробной жизни Асгард – одно из самых приятных мест. Конечно, он лишен многообразия жизни, как замерзшие земли древних скандинавов, зато здесь имеется прекрасная компенсация в виде воздуха, пропитанного ароматами тайны и опасности.

Впрочем, вполне возможно, что я сам придумал, будто ветер несет ощущение опасности. Нет, моя пробежка вовсе не была развлекательной, я прекрасно понимал, что безумно рисковал.

Рататоск сказал мне, что я сразу пойму, когда доберусь до Ванахейма. Во-первых, прямо передо мной появятся пурпурные зубья гор Асгарда, а во-вторых, долину Идаволл сменяют обработанные поля и идиллические фермы, испещренные яркими цветными пятнышками на горизонте, где расположились ждущие первого снега амбары и зернохранилища, точно отрывочные, завершающие картину движения кисти импрессиониста. Я оказался здесь в тот момент, когда передо мной садилось солнце, и восхитился воображением древних скандинавов, которые думали, что такие вещи, как солнце, гравитация и погода, могут вести себя в дрейфующем мире, прикрепленном к ясеню, так же, как на земле.

Однако они превосходно представляли свой рай, и если бы я не знал, что древние скандинавы будут исключительно усердно меня разыскивать, я бы с удовольствием здесь задержался на некоторое время.

Я продолжал бежать, окутанный сумерками, под вечерние песни птиц, потом усилил свое ночное зрение, чтобы не получить травмы в темноте. Я бежал уже более восьми часов без передышки со скоростью десять миль в час. Горы Асгарда были уже совсем близко и вздымались передо мной, точно вздыбленные зиккураты.

Я пробежал еще милю, и чуть севернее, над кронами леса, к которому я быстро приближался, появилось желтое сияние – либо очень большой бивачный костер, что представлялось мне маловероятным, либо золотая грива Гуллинбурсти. Я решил, что отклонился слишком сильно на юг, слегка изменил курс, направился прямо в сторону сияния и довольно скоро остановился в первый раз после того, как оставил за спиной норн. Мне предстояло перебраться через реку, которая, по утверждению Рататоска, являлась границей Ванахейма. Я не хотел плыть, но выбора у меня не было. Если бы я попытался перелететь реку, превратившись в филина, мне пришлось бы оставить почти все мои вещи. Я пожал плечами, вздохнул и вошел в воду. В любом случае, то, что требовалось сохранять сухим, лежало в водонепроницаемом мешке.

К счастью, течение в этой части реки оказалось медленным, так что даже одежда и меч не особенно мне мешали. Однако одна проблема все-таки была: холод. Должен признать, меня пробирала сильная дрожь.

Решив, что лучше всего мне поможет с ней справиться хорошая пробежка, я помчался в сторону бледного света, но примерно через сорок ярдов мне пришлось снова остановиться. Как раз перед тем, как я вошел в лес, возникла яркая вспышка, что-то выскочило из-за деревьев, и ослепительно сияющая комета устремилась ввысь. Тут же последовал оглушительный раскат грома, и на небе появилась темная туча, которой не было еще несколько мгновений назад. Я замер, чувствуя, как вода капает на землю и меня пробирает жуткий холод. Я прекрасно понимал, что летающие существа – это боги и, скорее всего, они ищут меня.

Мне даже удалось рассмотреть бога плодородия Фрейра верхом на Гуллинбурсти, за ним мчался Тор на колеснице, запряженной двумя козлами. Они направлялись в сторону Иггдрасиля.

Я подождал, когда они скроются из виду, и только после этого побежал дальше, строго на северо-запад, у меня уже не осталось сомнений, что я выбрал верное направление, и, судя по всему, цель была близка.

Это меня несказанно обрадовало, потому что я понимал, что мне следовало спешить. Я рассчитывал покинуть Асгард до того, как кто-нибудь обнаружит, что норны пропали, но теперь уже сомневался, что мой план сработает. Как быстро они выйдут на мой след, целиком и полностью зависело от того, когда они отправят на мои поиски бога Хеймдалля. Все его чувства развиты в превосходной степени, и лучшего следопыта просто нет. Я не сомневался, что, если он где-то поблизости, он непременно услышит биение моего сердца и уловит запах моей тревоги.

В общем, мне ничего не оставалось, как прибавить скорость. Я подозревал, что Один уже разгадал мою уловку; у него было достаточно времени, чтобы понять, что Вакх не собирался сюда приходить, а темные эльфы ничего не сделали. Тем не менее он не знал, кто или что я, каковы мои цели и где я могу находиться. Вот почему Тор и Фрейр помчались к Иггдрасилю, чтобы выяснить, что там произошло, возможно, вместе с другими богами – но только не сам Один.

Я мог бы поспорить, что сейчас он направляется к своему серебряному трону, если уже до него не добрался. Вне всякого сомнения, он намерен меня найти и отправить достойную команду для радушного приема. Я прекрасно понимал, что должен действовать без промедления, до того как у него появится шанс «увидеть все» со своего трона. Рататоск не очень внятно высказался относительно расстояния между Гладсхеймом и Валаскьяльфом, так что я не знал, сколько у меня осталось времени.

Через четыре мили хаос дикого леса уступил место величественным фруктовым садам; ветви яблонь, грушевых, сливовых и многих других деревьев стали молчаливыми свидетелями моего неуклонного продвижения к цели, потом появилась медленная глубокая река – возможно, та же, что я переплыл ранее. Я решил, что она может служить границей между Ванасхеймом и Альвхеймом, поэтому остался на западном берегу и принялся высматривать дома, расположенные на обоих берегах. Еще одна миля привела меня к ним.

Дом Фрейра вырос на северном берегу реки, словно могучий дуб посреди роскошного сада, все еще цветущего в конце ноября; казалось, он выращен естественным путем, а не выстроен, однако я сумел разглядеть стены и водонепроницаемый потолок, столь же удобные и надежные, как в любом другом доме. По всему участку на резных деревянных пьедесталах, расставленных случайным образом, стояли плетеные корзины, доверху наполненные плодами. Миниатюрные ночные животные лакомились спелыми дарами, а сова не упускала шанс полакомиться миниатюрными ночными животными.

Теплое сияние очага Фрейра проливалось наружу из открытых окон, дверь также была распахнута, от крыльца к границе сада шла тропа, которая сворачивала на юг и становилась шире, пока не подходила к прочному красивому мосту, парившему над рекой. По его широким деревянным планкам могло пройти сразу три человека в ряд или хватило бы места повозке, запряженной крупными животными.

Тропа сбегала с моста на мою сторону реки и вела к крепкому дому поменьше, явно построенному, а не выращенному, но каждый его дюйм покрывали руны и сцены, изображавшие подвиги викингов. Я осторожно приблизился, чтобы прочитать руны, и обнаружил, что это сказания скальдов, в той или иной форме сообщавшие, что в доме живут Идунн и Браги, долго и счастливо.

Мой анализ древнего искусства скандинавов прервали низкие напряженные голоса, доносившиеся из дома. Дверь и окна были открыты, как у Фрейра, и огонь внутри горел скорее ради света, чем для тепла.

«Подойди ближе, – сказал воображаемый Кирк. – Я хочу послушать, о чем они говорят».

«Я согласен, – добавил воображаемый Спок. – Дополнительные сведения могут оказаться полезными».

Я сказал, что мне больше нравится, когда они спорят, сам же осторожно направился к дому и присел на корточки под окном рядом с входной дверью.

И тут же услышал теплый, глубокий женский голос:

– ... Что это значит? Если норны действительно мертвы, их пророчества могли потерять свою силу. Ты только подумай, Браги, мы будем свободны!

– И Рагнарёк не наступит? – в звучном баритоне появились задумчивые нотки, потом я услышал громкий стук деревянных ножек, когда кто-то тяжело опустился на стул. – Может быть, для всех нас еще есть надежда.

– Да! – с восторгом сказала женщина, и я решил, что это Идунн. – А для нас особенно! Как ты не понимаешь? Может быть, у нас наконец будет ребенок! Быть может, обещанная нам всем гибель умерла вместе с ними! – Я услышал звуки поцелуев и гортанный смех.

– О, я понимаю. Но есть только один способ это проверить, не так ли?

Звуки поцелуев участились, им на смену пришли другие, менее целомудренные, сопровождаемые тяжелым дыханием. Я присел на корточки, сообразив, что они будут достаточно долго заняты, ведь они не были подростками, которые заканчивают подобные дела через несколько возбужденных минут. Живущие долго умеют любить медленно, не жалея времени.

Однако короткий обрывок подслушанного разговора заставил меня погрузиться в серьезные размышления. Идунн сказала, что они прокляты бесплодием, и их нынешнее поведение показало, как сильно им хочется от него избавиться. Более того, я понял, что они все еще любят друг друга. Смертным не дано знать, будет ли их любовь длиться столетиями, но Идунн и Браги это удалось. Сначала я почувствовал легкую зависть, а потом проснулась сердечная боль – на меня нахлынули воспоминания.

Однажды в Африке я более двухсот лет любил женщину. Вернувшись к границам Восточной Европы с ордами Чингисхана, я очень быстро понял, что делать мне там нечего, поэтому пересек Аравию, диковинный неверный в халифате, углубился в Африканский континент и затерялся среди изумительных просторов саванны, джунглей и пустынь. Я оставался там вплоть до пятнадцатого столетия, благополучно избежав встречи с Черным мором. К тому же, Энгус Ог не мог меня отыскать; будь я суеверен, я бы счел это следствием моей любви. (Скорее всего, причина состояла в том, что я заметно продвинулся в работе с амулетом, защищавшим меня от колдовства, и до тех пор, пока он не придумал новый способ меня отследить, я был в безопасности.)

Причиной моей столь долгой привязанности к Тахире являлось идеальное совпадение взаимного влечения, тот же трепет, который связывал скандинавских богов, обнимавшихся сейчас рядом со мной.

Ее острый ум не уступал моему, а нежные темные глаза успокаивали тревоги и приковывали меня к ней, что меня вполне устраивало. Ее низкий музыкальный голос ласкал слух, словно бархат, смех был таким чистым, что мне казалось, будто камертон касается моих костей, и весь мой позвоночник содрогался от озноба. Она стала последним человеком, с которым я разделял чай бессмертия. За два столетия нашего брака Тахира родила мне двадцать пять детей, и все они подарили мне радость; я ни о чем не жалею. Быть может, мы и сейчас любили бы друг друга, продолжали делать детей и пытались помешать младшим по неосторожности вступать в браки с потомками старших. (Извини, милая, но ты не можешь за него выйти. Видишь ли, он прапраправнук твоего брата, который родился в 1842 году.)

Мне никогда этого не узнать; боевой отряд масаев, с которым мы случайно столкнулись, лишил нас шанса на вечную любовь.

Возобновившийся скрип ножек стула прервал мои воспоминания, и я услышал звук удаляющихся шагов, которые сопровождались тяжелым дыханием и распутным смехом.

У меня появилась возможность.

Осторожно приподнявшись, я заглянул в окно, и мое внимание привлек очаг, расположенный слева. На огне грелся железный котелок, в котором Идунн и Браги что-то оставили тушиться. Прямо передо мной находился кухонный стол, на котором стояло деревянное блюдо с фруктами – грушами, сливами и персиками, но яблок не было.

«Ты осмелишься съесть грушу?» – поинтересовался воображаемый Кирк.

«Конечно, осмелюсь», – прошептал в ответ я.

«Могу я напомнить тебе, что мы пришли за золотым яблоком, – осведомился воображаемый Спок. – Нам не следует отвлекаться на другие, никому не нужные фрукты».

Я протянул руку через открытое окно и выбрал сливу с блюда, сообразив, что у меня не будет времени насладиться целым персиком. Слива оказалась спелой и мягкой.

«Молодец», – заявил Кирк, когда я откусил кусочек.

Слива оказалась невыразимо вкусной.

Я проказливо улыбнулся, и у меня появилась надежда, что я могу продолжить действовать по плану Б. Я был одержим разными планами похищения яблок, приготовил кучу вариантов вплоть до Т (к несчастью, ни в одном из них не присутствовала схватка с норнами). План Б состоял в том, чтобы оставить записку на месте преступления, и сейчас текст записки приобрел вполне определенные очертания; оставалось совсем немного: найти яблоки.

Я тихонько закопал косточку от сливы под окном, шепотом отдав земле команду, затем одним прикосновением развязал бечевку на висевшем у меня на поясе мешочке и вытащил пакет из водонепроницаемой ткани, в котором лежали (среди прочего) несколько листов бумаги и авторучка для исполнения плана Б. Я достал их после того, как избавился от заклинания невидимости, и вошел в дом, пока его обитатели шумно наслаждались друг другом.

Перешагнув порог, я увидел справа деревянный пьедестал, похожий на те, что окружали дом Фрейра. Из окна его не было видно, зато он сразу бросался в глаза, стоило войти внутрь. Пьедестал украшали резные фигурки – скорее всего, скандинавских богов. На нем стояла корзинка, полная золотых яблок, очевидно, угощение для гостей. Я усмехнулся и подошел к кухонному столу с листком бумаги и ручкой; план Б оказался удачным. Под влиянием модернистского поэта Уильяма Карлоса Уильямса я написал короткое стихотворение на древнескандинавском языке, которое, несомненно, оскорбит идеальный вкус Браги, ведь скальды не приемлют белого стиха:

Я хочу вам рассказать,

*Что украл сливы,
Лежавшие
В вашей вазе для фруктов,*

*Которыми вы,
Наверное,
Собирались угостить
Норн.*

*Сиськи Фрейи!
Они восхитительны,
Такие сладкие
И такие холодные.*

А потом поставил подпись:

«Вы очень глупые. Можете поцеловать меня, Вакх».

Затем я рассовал по карманам все сливы, оставив на блюде только груши и персики. Меня совершенно не беспокоило, поверят ли они, что записку сочинил Вакх. Смысл состоял в том, чтобы сбить их со следа; они бросятся искать того, кто способен писать дерзкие модернистские стихи, а у меня на короткое время будут развязаны руки.

Наступил момент для кражи. Идунн и Браги любезно занялись в своей спальне экспериментами, связанными с приятными последствиями трения, а меня манили золотые яблоки, находившиеся возле открытой двери. Я сделал несколько бесшумных шагов, взял одно яблоко из корзины и, точно придурок, замер на месте, дожидаясь сигнала тревоги. В дальней части дома закричала в экстазе Идунн, требуя, чтобы Браги дал ей ребенка, но не думаю, что это можно было рассматривать как сигнал тревоги.

Двигаясь с максимальной быстротой, но совершенно бесшумно, я вернулся к реке и выбросил все сливы. На берегу реки остались мои следы, но это меня вполне устраивало. Если они решат, что я туда прыгнул, они потратят время на поиски вверх и вниз по течению, и на противоположном берегу.

Я медленно вернулся обратно, и земля заполнила мои следы, оставив лишь те, что вели к реке. Вскоре я оказался в саду, где земля была более жесткой и усыпана палой листвой, скрывавшей следы; к тому же листья были влажными и не шуршали при ходьбе. Я рассчитывал, что здесь мне удастся уйти от тех, кто будет преследовать меня по запаху.

Осторожно положив золотое яблоко на ветку, я полностью разделся и сложил все вещи в аккуратную стопку, радуясь, что ощущаю босыми ногами влажную листву. Здесь я написал еще одну записку:

«Ты получаешь особое удовольствие от овечьих задниц, и всем это известно. Накосивыкуси, Вакх».

Я пристроил записку поверх своих вещей, отложив меч в сторону, и обратился к земле, чтобы она мне помогла, и она выполнила мою просьбу, образовав яму размером примерно в два фута в глубину и столько же в ширину. Я сложил туда одежду и мешочек, добавив к ним записку, и попросил землю закрыться. Затем я произнес несколько слов о Рататоске, потому что в мешочке лежали его кости. Потом я набросал сверху листья и остался вполне доволен результатом. Если кто-то вроде Хеймдалля сумеет дойти по моему запаху до этого места, а потом выкопает одежду, он будет сильно разочарован.

Оставалось надеяться, что Один все это пропустил. Я взял яблоко с ветки и аккуратно положил его на землю в нескольких шагах от себя. Потом повесил Мораллтах поперек тела, подтянул перевязь на стандартную длину, и она нелепо повисла на моем правом боку. Меч

скользнул за спину, я переместил его поудобнее и опустил на четвереньки, так что перевязь оказалась под грудью и даже коснулась земли. После нескольких быстрых движений Мораллтах удобно расположился у меня на спине.

Я был готов: я привел в действие амулет, чтобы изменить форму и превратиться в оленя, а когда трансформация завершилась, меч и перевязь удобно заняли свои места на моем теле.

Овладение этой процедурой потребовало долгих тренировок и многих часов работы над перевязью, но оно того стоило, ведь это действие входило в планы от А до Т. Теперь я мог бежать значительно быстрее, а если придется вступить в ближний бой, у меня имелся меч. Я осторожно взял золотое яблоко оленьими губами, после чего навел на себя, яблоко и Мораллтах заклинание невидимости.

Теперь, когда я превратился в оленя, у меня совершенно изменился запах – мои друзья оборотни из Аризоны как-то сказали, что не могут определить по запаху, являюсь ли я тем же существом после трансформации; и если Один не сообразит, что происходит, я через пять или шесть часов без особых проблем доберусь до Иггдрасиля – вместо восьми, которые мне потребовались, чтобы добежать до жилища Идунн. Кто обратит внимание на скрытого заклинанием невидимости оленя, мчащегося в ночи через долину Идаволл?

Конечно, я был не настолько наивен, чтобы всерьез рассчитывать, что все пройдет легко и без проблем. Просто я не предвидел, какими они могут быть.

Глава 4

Должен признаться, что периодически я подвержен приступам Самодовольства. Это случается с кем угодно, но чаще всего с теми, кто считает себя чрезвычайно умным. Я чувствовал неуклонное приближение очередного приступа по мере того, как сокращалось расстояние до Иггдрасиля, при этом я не видел и не слышал никаких признаков погони или даже тревоги. Благодаря сочетанию неожиданности, быстроты и хитрости я привел весь пантеон в такое замешательство, что они не могли отличить собственные ноги от лютефиска⁵. Мой грандиозный просчет с нормами должен был сбалансировать успех, но я блокировал неприятные мысли, пожелав испытывать Самодовольство.

Примерно в десяти милях от ствола Иггдрасиля, но в милях от корня, ведущего в Ётунхейм, мое Самодовольство превратилось в невнятное «О, дерьмо!». Я считаю, что это настоящий психологический термин; а если нет, то должен им стать.

Вот вам честные и непредвзятые факты: когда человек что-то у кого-то крадет, а потом убегает, первое, что он произносит, когда узнает, что за ним гонятся, – «О, дерьмо!», на том языке, на котором разговаривал в детстве. В такой момент сказать что-нибудь другое практически невозможно. Некоторые британцы, цепляясь за прежние традиции, произнесут сначала: «О, черт!», но после того, как убедятся, что их действительно преследуют, присоединяются к остальному человечеству и говорят: «Дерьмо!»

Если учесть, что я в этот момент был оленем и сжимал губами яблоко, а потому вообще ничего не мог сказать вслух, я двинулся общепринятым маршрутом. Когда я увидел, *кто* за мной гонится, я мысленно вскричал «О, дерьмо!» и максимально увеличил искривление пространства, и будь проклят Скотти и его двигатели.

Рутинная параноидальная проверка окружающего мира позволила мне обнаружить двух воронов, которые меня преследовали и которых не было еще десять минут назад во время моей предыдущей рутинной параноидальной проверки. Из чего следовало, что Один знал, куда я направлялся, и, весьма возможно, приготовился меня перехватить. Я не был уверен, насколько хорошо вбóроны меня видели, когда я бежал в темноте под заклинанием невидимости, но, судя по всему, могли определить, где я в данный момент находился. В любом случае, они наверняка ориентировались на стук моих копыт.

Час назад я видел золотой след Гуллинбурсти и темные тучи Тора, возвращавшегося в жилище Фрейра. Они появились в северной части неба, и я сместился на несколько миль к югу, чтобы избежать встречи с ними. Они знали, что норны исчезли и, возможно, что пропал Рататоск; сейчас они двигались по следам, которые я для них оставил, и я точно знал, что они не поджидают меня возле Иггдрасиля.

Однако далекий шепот грома заставил меня рискнуть и оглянуться. Звук наводил на мысль о кавалерии, но на горизонте появилась всего одна лошадь, массивная, высотой с верблюда, не какой-нибудь чистокровной породы, и у нее было восемь ног против привычных нам четырех. Я узнал Слейпнира, скакуна Одина, на спине которого восседал одноглазый бог с копьем в руке. Над горизонтом по воздуху мчались галопом двенадцать крылатых лошадей, и на каждой сидела всадница в доспехах, со щитом и мечом в руках. Это были валькирии, из чего следовало, что я вляпался в дерьмо глубже, чем Марианская впадина. Выбирающие убитых – древнескандинавский аналог Морриган, только в смешных крылатых шлемах, к тому же я не рассчитывал, что они выберут в качестве жертвы Одина.

Я поджал хвост и побежал что есть силы. «Крутая получилась сцена преследования», – возникла у меня маниакальная мысль, пока я, задыхаясь, мчался вперед с яблоком, зажатым в

⁵ Традиционное скандинавское рыбное блюдо.

губах. Если бы я захватил айпод, то мог бы загрузить «Полет валькирий» Вагнера в качестве звуковой дорожки. Впрочем, если подумать, унылая музыка вряд ли помогла бы мне прибавить скорости. Возможно, веселее и гораздо более вдохновляющим на подвиги стало бы что-нибудь резкое и совершенно абсурдное, вроде гимна банджо, написанного Джерри Ридом⁶ для бутлегерских фильмов семидесятых, вроде «Смоки и бандит»; Один и валькирии сыграли бы Смоки, а я легендарного Бандита⁷. К несчастью, Один выглядел несколько более компетентным, чем шериф Бьюфорд Т. Джастис, а я двигался не так, как «Понтиак Файрберд» 1977 года. Грохот копыт Слейпнира становился все громче; он меня нагонял.

Копье Одина, Гунгнир, было магическим, как Мораллтах и Фрагарах. Благодаря рунам, начертанным на его наконечнике, оно всегда попадало в цель, а тот, кто становился мишенью, неизбежно умирал. Такого рода магия обычно работает безошибочно, у меня имелся опыт из первых рук, ведь я не раз использовал Мораллтах и Фрагарах. Оставалось выяснить, какова дальность полета копья. Вполне возможно, что его магия действует следующим образом: Одину достаточно меня обнаружить и сделать небрежный бросок в моем направлении, чтобы руны довели дело до конца. Или он должен находиться на определенном расстоянии для естественного (пусть и божественного) броска, чтобы поразить цель? В такие моменты я жалел, что не обладаю теменным глазом⁸.

Зов боевого горна вынудил меня оглянуться. Валькирии не дуют в боевой рог ради развлечения; они поступают так с единственной целью – начать сражение. И я обернулся как раз в тот момент, когда Один, отстававший от меня на четверть мили, приподнялся на стременах и по широкой дуге метнул Гунгнир, цель которого, вне всякого сомнения, совпадала с моим сердцем или мозгом. Одновременно за копьем устремились валькирии, обнажившие мечи и направившие их в мою сторону. Мой амулет из холодного железа выпустил кристаллы льда и задрожал у меня на груди, и я понял, что они мгновение назад решили, что я должен умереть.

Вероятно, мне следовало положиться на амулет, надеясь, что он защитит меня от смертного приговора, но паранойя слишком глубоко укоренилась у меня в мозгу, чтобы отдать мою жизнь на откуп куску металла, когда имелись другие варианты. Что, если амулет не влияет на точность полета копья до тех пор, пока оно не поразит мою ауру? Я не мог допустить, чтобы копьё оказалось в нескольких дюймах от моего тела, и только потом пытаться увернуться. Я хотел попробовать кое-что другое.

Моя идея состояла в том, чтобы не только сбить прицел Гунгнира и отменить приговор валькирий, но изменить саму природу цели. Я сделал несколько скачков вправо, чтобы уйти с пути копья, а потом менее чем за секунду совершил сразу три действия: сбросил заклинание невидимости, вернулся в человеческую форму и остановился. Яблоко вылетело из моих человеческих губ, и я поймал его левой рукой. Оно было покрыто слюной оленя, но в остальном не пострадало.

Олень, в которого летел Гунгнир, исчез, и я услышал, как копьё просвистело над моей головой и вонзилось в землю примерно в сорока ярдах впереди, вдоль моего прежнего маршрута. Затем я взглянул на своих преследователей – Один и валькирии остановились, чтобы убедиться, что не стали жертвой галлюцинации.

Они не могли поверить своим глазам. Копье, не знающее промахов, только что пролетело мимо цели. Обреченный на смерть не просто остался жив, он приплясывал голышом в долине Идаволл с яблоком в руке и дерзкой улыбкой на лице. Они не сводили с него глаз, а рыжеволосый демон поднял руку – очевидная просьба подождать – и уверенно зашагал к Гунгниру, словно это было самое обычное копьё, которое он сам и бросил. Затем наглец проявил неслы-

⁶ Американский музыкант в стиле кантри.

⁷ «Смоки и бандит», фильм в жанре комедийного боевика, снятого кинорежиссером Хэлом Нидэмом в 1977 году.

⁸ Непарный светочувствительный орган некоторых бесчелюстных, рыб, земноводных и рептилий.

ханное безрассудство, коснулся рукой копья Одина и без малейшего уважения вырвал его из земли. А потом он... он...

Один взревел, повернувшись к валькириям, когда понял, что я намерен сделать. Он не был в полных доспехах, но и на добродушного путешественника в широкополой шляпе и сером плаще не тянул – крылатый шлем и кольчуга под туникой из шкуры северного оленя говорили сами за себя. Один направил своего скакуна вперед, и валькирии последовали за ним.

Прошло много времени с тех пор, как я метал копье или дротик, но сегодняшняя ночь показалась мне вполне подходящим моментом, чтобы вспомнить забытый навык. Если Гунгнир куда-нибудь попадет, мои враги замешкаются, и я смогу увеличить расстояние между нами; а если я промахнусь, они остановятся, чтобы забрать оружие, и у меня также появится шанс оказаться подальше от них.

Сосредоточив всю свою силу в спине и плече и пытаясь вспомнить технику броска, я швырнул копье в слабое место врага – с точки зрения стратегии, – не в Одина, а в Слейпнира. Не останавливаясь, чтобы понаблюдать за его полетом, я опустился на четвереньки, снова превратился в оленя, схватил яблоко губами и постарался правильно расположить перевязь с мечом. Подняв голову и собираясь сорваться с места, я увидел, как копье вошло в основание шеи могучего скакуна, тот встал на дыбы от боли, сбросил Одина на землю и упал сам.

Я едва не уронил яблоко. Вот уж никак не ожидал, что мой бросок окажется таким удачным; очевидно, магия рун работала для всякого, кто швырял копье. Валькирии сразу устремились на помощь Одину, а я поскакал прочь, пока у меня еще оставались хоть какие-то шансы на спасение.

Два безжизненных черных тела упали с неба, когда я мчался к корню, и я понял, что это вброны Хугин и Мунир – Мысль и Память. То, что они падали, означало, что Один либо потерял сознание, либо мертв. И я понял, что нужно убираться отсюда, пока я не причинил еще больше вреда. Я вновь наложил на себя заклинание невидимости, полагая, что валькирии не смогут меня увидеть без помощи Одина, и задумался, что делать дальше.

Я не мог взять Мораллтах с собой в дыру Рататоска в корне Иггдрасиля. Теперь, когда меня преследовали, у меня не будет времени, чтобы спокойно спуститься, на каждом шагу связывая свою кожу с корой. Мне придется лететь вниз, превратившись в филина, и нести меч в таком виде вряд ли получится.

В общем, у меня не оставалось другого выбора, кроме как оставить Мораллтах. Приближаясь к корню, я оглянулся и обнаружил, что несколько валькирий снова поднялись в воздух и бесцельно кружат, пытаясь меня найти. Хугина и Мунина я не видел, значит, Один еще не пришел в себя. Проклиная возникшую необходимость, я вернулся в человеческую форму, поймал упавшее яблоко и снял меч. Потом опустился на колени и попросил землю, чтобы она немного расступилась в стороны, и вонзил в нее клинок на глубину локтя, чтобы меч выглядел, как выступ. Довольный результатом – насколько было возможно в данных обстоятельствах, – я закрыл ямку, позаботившись, чтобы земля сверху выглядела нетронутой, а затем уничтожил все следы на расстоянии десяти шагов.

Я понимал, что они вполне могли его найти – если Хеймдалль будет знать, что искать, он обязательно отыщет Мораллтах. Но если я просто уйду, пока Один еще без сознания, они решат, что я забрал оружие с собой. Впрочем, у меня все равно была причина вернуться в Асгард: я обещал своему адвокату и другу, вампиру Лейфу Хелгарсону, что приведу его сюда, чтобы раз и навсегда разобраться с его древним обидчиком Тором.

Я изменил форму, превратившись в большого филина, и как можно осторожнее сжал яблоко в когтях, понимая, что мне все равно не удастся сохранить кожу целой, но решил, что Лакше придется самой решать эту проблему. Я влетел в дыру в корне, сложил крылья вдоль тела и устремился вниз.

Вылетев из дыры под Асгардом, я помчался к началу корня. Колодец Мимира никто не охранял, как и в тот момент, когда я здесь появился. Ванир уже давно обезглавил Мимира, но я считал, что такое важное место должно находиться под присмотром. Возможно, наступила Безумная пятница⁹ и хранитель решил принять участие в распродажах с большими скидками. Я вышел из пике, бросил яблоко на снег и превратился в обычного Аттикуса. И тут же начал дрожать.

Обнимая корень и сжимая в руке проклятое яблоко, я нашел связь с землей и притянул к ней свой центр, пока не вернулся в то место, которое все называют «реальным» миром. В Сибири оказалось так же холодно, как в Ётунхейме, а у меня не было одежды. Я громко застонал и несколько мгновений наслаждался тем, что меня никто не преследует. Кроме того, моему телу требовался небольшой отдых. Несмотря на то что потраченная мной энергия шла от земли, сказывалась быстрая смена формы; меня трясло, я ощущал слабость, моя печень хотела знать, может ли она рассчитывать, что проведет длительный промежуток времени в одном и том же виде.

К сожалению, ответ был: нет. Мне все еще грозила опасность. Древние скандинавы вполне могли последовать за мной в этот мир, и я не сомневался, что они так и поступят – рано или поздно. Раз уж они сумели отследить мой путь до жилища Идунн и Браги, они начнут потихоньку разбираться в последних событиях. Если они найдут мою одежду, закопанную в саду, то догадаются, что я пришел из Мидгарда; если поймут, что случилось с норнами, сообщат, что их убил меч; а если обнаружат Мораллтах, то узнают в нем оружие фейри, и дальнейшее расследование откроет им правду – что существо, ответственное за кражу золотого яблока и сбившее Одина на землю, не демон или бог, а друид.

Я надеялся, что они выяснят это очень не скоро или вовсе никогда. Сейчас моим главным преимуществом была анонимность. Как только Один придет в себя и не найдет меня в Асгарде, он вполне может потратить время на поиски в Ётунхейме, пока кто-нибудь не сообразит, что я пришел из Мидгарда.

Я сделал пару глубоких вдохов, чтобы подготовиться, принес извинения своей печени, снова превратился в оленя и поднял золотое яблоко. Бег до леса занял у меня всего два часа вместо трех. Никогда прежде я так не радовался, увидев дружелюбные деревья; как только я перейду в Тир на Ног, то смогу забрать оставленную там запасную одежду и снова стану выглядеть прилично. Я хотел переместиться в Северную Каролину уже сегодня и вручить яблоко Лакше с учтивой небрежностью, словно украсть его было не сложнее, чем забежать в местный продуктовый магазин.

Она прикончила двенадцать вакханок и даже не вспотела – то, что я никогда не смогу сделать, – так что для поддержания имиджа плохого парня мне следует сделать вид, что я добыл яблоко без малейшего напряжения, хотя, в конечном счете, это может стоить мне жизни. Мне уже приходило в голову, что Лакша рассчитывала на мое возвращение и ее замысел состоял в том, чтобы меня подставить. Какая-то ее часть – возможно, очень большая – будет разочарована, что я добился успеха, не получив даже царапины.

Мысль о том, как сильно она будет удивлена, заставила меня улыбнуться. Более того, я был очень близок к очередному приступу Самодовольства. Но как раз перед тем, как я уютно устроился возле старого дуба, чтобы переместиться в Тир на Ног, мне пришлось в голову взглянуть на небо, и я увидел круживших надо мной двух воронов. И темные грозовые тучи, которые быстро двигались с севера в мою сторону.

Один пришел в себя, проклятые вóроны *могли* видеть сквозь мое заклинание невидимости, а головорез Тор, управлявший громом, мчался, чтобы свести с обидчиком счеты.

⁹ Последняя пятница перед Рождеством в США.

Глава 5

Иногда меня спрашивают, как мне удалось прожить так долго. Я всегда отвечаю, что это очень трудно. Короткий ответ звучит так: жить максимально правильно, всячески избегая вещей, способных тебя убить, – но он почему-то никого не удовлетворяет. Они хотят услышать крупницы мудрости вроде: «Вероятно, вам не следует отправляться на яхте к берегам Сомали» или «Никогда не ешьте суши в ресторане, где вы являетесь единственным посетителем». Но даже такие советы им не нравятся. «Держитесь подальше от парней, которые швыряются молниями» – это классика. Очень рекомендую.

Я знал, что мой амулет не защитит меня от удара молнии, поэтому переместился в Тир на Ног прежде, чем Тор успел оказаться на нужном расстоянии. Наверное, он устроил лесной пожар, когда я исчез, просто из вредности.

Я задержался в Тир на Ног ровно столько, сколько требовалось, чтобы забрать запасную одежду, и тут же переместился в другой мир фейри, Маг Мэлл, где наслаждался горячим минеральным источником. Так я решал сразу две задачи: восстановить силы и сбить со следа Хугина и Мунина; они не могли последовать за мной в ирландские миры, и для меня наступил счастливый момент покоя.

Еще одной благословенной пинтой стала та, которую поднесла мне хорошенькая древесная нимфа в источнике: эль Гоибниу Маг Мэлл, потрясающий, чувственный напиток, невероятно яркий, с нежной и одновременно зернистой основой и дерзким, пикантным послевкусием, вызывающим мысли о распутных красотках и невинных девственницах. Если вам доведется когда-нибудь попасть в Маг Мэлл, обязательно попробуйте этот эль. Его подают бесплатно.

Да, все правильно, в ирландском раю пиво можно пить бесплатно. Все завидуют.

После нескольких кружек я снова пережил приступ Самодовольства, после чего переместился в Национальный заповедник Фасги рядом с Эшвиллом, штат Северная Каролина. Мы с Лакшой договорились по сотовому телефону встретиться в парке Притчард, в центре города, где уселись на камнях возле маленького водопада. Возможно, она удивилась или даже испытала разочарование от моего появления, но сумела скрыть свои чувства. Она задала несколько вопросов относительно небольших дефектов на поверхности яблока, откусила маленький кусочек, и лицо человека, в котором она обитала, наполнило удовольствие. Ее кожа, и без того красивая, подтянулась, разгладилась и засияла здоровьем.

– Удовлетворена? – спросил я.

Она кивнула:

– Целиком и полностью. Хорошая работа, мистер О’Салливан.

– В таком случае я ухожу, – сказал я, вставая и отведывая ей короткий поклон. – Я бы не стал медлить и съел бы яблоко до конца, потому что Хугин и Муниин будут его искать. Удачи тебе при выращивании собственного дерева бессмертия.

– И все? – Лакша нахмурилась. – Больше никаких любезностей?

– Я сдержал данное тебе слово, Лакша. Пожалуйста, суди меня по моим действиям – и никак иначе. Что же до любезностей, я оставляю тебя в гораздо лучшем состоянии, чем ты меня после того, как убила вакханок. К тому же есть другие проблемы, требующие моего внимания. Прощу меня извинить.

Я повернулся на каблуках и побежал обратно в лес Фасги – я уважаю способность Лакши держать свое слово, не говоря уже об умениях ведьмы, но у меня нет ни малейшего желания поддерживать с ней дружбу.

И я не солгал, когда говорил о других вопросах, требовавших моего внимания. Расслабляющий горячий источник, где я провел довольно много времени, оказался очень комфортным местом для размышлений о некоторых неприятных фактах. У меня не было поводов для Само-

довольства, если не считать того, что я подергал льва за гриву в его логове и сумел уцелеть – до настоящего момента. Вряд ли мне следовало рассчитывать, что Один оставит без внимания смерть норн и Слейпнира. Конечно, я мог бы сказать, что убил их, спасая собственную жизнь, однако правда состояла в том, что я по собственной воле отправился в Асгард. Никто меня не заставлял, я дал обещание, поменяв одни проблемы на другие, гораздо более серьезные. И теперь я не видел, как изменить ситуацию хотя бы на относительно приличную – если только не отказаться от всего, что мне дорого.

Я легко путешествовал по мирам и ни о чем не думал, кроме как о себе и земле под ногами. Так я жил с того момента, как умерла Тахира; никогда не оставался на одном месте настолько долго, чтобы обрести обязательства, никогда не связывал свою жизнь с другими людьми, объясняя это тем, что мне следует опасаться встречи с Энгусом Огом. Я не создавал, что на самом деле избегал любви – самой сильной связи из всех возможных, и боли, которая грызет тебя изнутри, когда эта связь насильственно рвется.

Прошло более пяти столетий. Я все еще по ней скучаю. Иногда она улыбается мне во сне, и тогда я просыпаюсь в слезах, вновь ощущая горечь потери.

Когда мы поженились, я ничего не делал, не подумав сначала о ней. И теперь оказался в похожем положении; я не могу ничего предпринять, не подумав об Обероне, а также о своем долге по отношению к Грануаль. Я не стану, просто *не могу* их бросить. И еще я понял, что желание их защитить повлияло на принятие мной решений в течение последних месяцев – от убийства Энгуса Ога до заключения неразумной сделки с Лейфом, чтобы избавиться от немецкого ковена. Возле хижины Тони Флидас сказала мне, что знала в общем-то очевидную вещь: я сбежал бы от Энгуса Ога, если бы Оберона не взяли в заложники. И она была права. Аналогично, если бы *die Töchter des dritten Hauses* не расправились с Перри и не попытались убить Грануаль и меня, я не обратился бы за помощью к Лейфу, согласившись помочь ему добраться до Асгарда.

Я принимал поспешные, отчаянные решения, которые, скорее всего, приведут к моей смерти. Но с того момента, как я оказался связан узами любви, у меня не было выбора, если я хотел оставаться человеком. Тогда мои решения казались простыми, но теперь крайне усложнили мою жизнь. Моя нынешняя безопасность была иллюзией, и я понимал, что последствия явятся в мой дом, точно блудный сын – кармический долг, как сказала бы Лакша, но с ростовщическими процентами в день платы по счетам.

Так что пришло время мне покинуть Аризону. В Темпе жил обозленный детектив Кайл Гефферт, убежденный, что я имею какое-то отношение к «Бойне в Сатурне», как называли ту историю средства массовой информации, – и он был прав. До сих пор моим адвокатам удавалось избавлять меня от долгих допросов в серой стальной комнате с плавающим под потолком сигаретным дымом, но я понимал, что едва ли им и дальше будет сопутствовать удача.

Одинокая вакханка, сумевшая спастись, совершенно точно знала, что последний друид живет в Аризоне, и одно это должно возмутить Вакха, не говоря уже о его реакции на попытку сделать из него мишень для всего скандинавского пантеона в результате моих интриг в день Благодарения.

Группа русских фанатиков – охотников на демонов, называвших себя Молотами Бога, считали, что я слишком близок с силами тьмы, несмотря на тот факт, что я убил больше демонов, чем все они вместе взятые. Раввин Иосиф Бялик, прихватив своих друзей, почти наверняка вернется, чтобы изводить меня, – ведь теперь он точно знает, что я вожу компанию с оборотнями и ведьмами.

Не говоря уже о том, что один из моих постоянных покупателей в книжном магазине на прошлой неделе спросил, как мне удастся выглядеть столь молодо.

Настало время уйти.

Мысль об отъезде не слишком меня огорчала, если не считать того, от чего мне придется отказаться. Рыба с картошкой фри в «Рула Була», возможность выпить виски с вдовой Макдонаг, простые удовольствия практикующего травника – по всему этому я буду скучать. Кроме того, оставалось еще исцелить обширные пустоши возле хижины Тони, возникшие частично по моей вине, и я очень хотел это исправить. Но меня сковывали цепи обязательств – сначала я должен был привести в порядок свои дела.

Несмотря на то что я бегал большую часть двух последних дней, я удивил самого себя, предложив Оберону побегать, как только вернусь домой.

«Ты чертовски прав, я очень даже хочу порезвиться!» – сказал он.

Я забрал его через окно дома вдовы Макдонаг, где он оставался во время моего отсутствия. Вдова куда-то ушла, и это было только к лучшему, ведь в противном случае мне пришлось бы с ней некоторое время поболтать, а Оберон и без того слишком долго ждал. Кошки вдовы отлично его развлекали, но они не могли взять его с собой на прогулку и хорошенько с ним побегать, что совершенно необходимо ирландскому волкодаву.

Мы пробежались по парку Митчелла, расположенному рядом с моим домом, и он рассказал мне о том, что произошло за время моего отсутствия.

«Кошки уже начали ко мне привыкать, – пожаловался он. – Они умудрились заметить, что, сколько бы я ни лаял и ни преследовал их, я не прикончил ни одной. Более того, я даже никого ни разу не покусал. Теперь они ощетиняются, увидев меня. Это наводит тоску. Нет, еще хуже: я как кастрированный».

Я смеялся и говорил с ним вслух, пока мы бежали. Мы часто общаемся телепатически – между нами существует магическая связь, но если рядом никого нет, я получаю удовольствие от возможности говорить с ним обычным способом.

– Ну ничего себе, пять слогов. Очень впечатляет.

«За это я заслуживаю угощение».

– Несомненно. Мы отправимся на охоту, как только у меня появится возможность. И я сожалею из-за твоей кастрации.

«Нет, вовсе нет. Но тебе придется сожалеть по другой причине. У вдовы длинный список медицинских проблем».

Я нахмурился и посмотрел на него, чтобы проверить, не шутит ли он.

– В самом деле?

«У-гу. Она все мне объяснила в подробностях. Наглядно. Иногда даже показывала и рассказывала».

– Вот оно как. Это и вправду меня огорчает. Мне она ничего не говорила.

«Ну... разве ты не можешь ей помочь?»

Я сделал несколько шагов, прежде чем ответить. Соседские голуби с утра были всем довольны и громко ворковали. Сгорбленный старик в бермудах подравнивал куст шалфея, двигаясь медленно и аккуратно. Он полностью погрузился в свое занятие и не обратил внимания на то, что я разговариваю со своей собакой.

– Да. Я мог бы повернуть процесс старения в обратную сторону при помощи чая бессмертия, и это решило бы все остальные проблемы. Чай исцеляет поврежденные клетки, предотвращает рак, увеличивает количество белых кровяных телец, ну и так далее. Но если я так поступлю... Как ты думаешь, что будет дальше?

«Она станет лучше себя чувствовать, Аттикус. А остальное не имеет значения».

– Верно. Но ты не подумал про все последствия. Вдове скоро исполнится девяносто лет, если уже не исполнилось. Если она начнет регулярно пить чай бессмертия, то через пять недель сбросит пятьдесят лет. Она будет выглядеть и чувствовать себя на сорок, и, если я больше не буду давать ей чай, сможет прожить еще пятьдесят лет.

«Это будет потрясающе!»

– Вовсе нет. Ей начнут задавать вопросы. Все захотят узнать, что она с собой сделала. В особенности ее друзья и родственники. Она ведь рассказывала тебе о своих детях и внуках?

«Да».

– Ну, так вот, ее старшему сыну шестьдесят семь. Она станет моложе, чем он. Это будет неудобно. Ее внуки начнут волноваться – ведь их бабушка больше не будет милой старой леди. И что она им скажет? Мой знакомый друид сделал меня такой?

«Ну, и почему нет? Это не может тебе навредить».

– Речь не о вреде мне. Они также захотят стать молодыми. А потом их друзья и родственники, и не успеешь оглянуться, как желтая пресса узнает, что произошло, и присосется к этой истории, как семь щенков на шесть сосков.

«О, великие медведи, звучит паршиво!»

– Дальше вмешается правительство, потому что такое увеличение продолжительности жизни рано или поздно приведет к тому, что поднимутся флаги над Внутренней налоговой службой и Управлением социального страхования. Фотография на водительском удостоверении не будет соответствовать ее новому лицу. И возникнут разные вопросы.

«Но разве твои друзья не стоят таких неприятностей?»

– Сама вдова – несомненно. Но речь не только о ней. Предположим, я сделаю, как ты просишь. Ей придется начать новую жизнь в сорок лет, в то время как ее дети будут стареть и умирать. Скажет ли она спасибо за свою молодость, когда будет стоять у могилы сына? Или у могил внуков?

«Ну, наверное, нет. Я понял твой довод».

– Хорошо. Я уже бывал в такой ситуации, Оберон, множество раз. Я хоронил собственных детей и детей их детей, и так далее. Ты теряешь часть самого себя.

«Ты никогда не предлагал им чай бессмертия?»

– Конечно предлагал. Именно так я во всем этом разобрался – самым болезненным путем. И я понял, что часть людей дистанцируется от остальных, они испытывают очень сильную тревогу, а потом становятся отшельниками, когда живут слишком долго. Почти как вампиры, только кровь не пьют. Если их разум не прошел подготовки друида, у них со временем развивается невроз – так у любителей загорать появляются морщины. Чай бессмертия может привести к полному безумию.

«Твои дети сходили с ума?»

– Да. Вот почему со временем я перестал делать такие предложения.

«И сам не собираешься его пить?»

– Только не в ближайшее время. Сначала нужно найти место, где я смогу осесть. Здесь больше нельзя оставаться. Именно об этом я и хотел с тобой поговорить.

«О чем?»

Я объяснил ему, что нам нужно покинуть Темпе.

– Скоро мне нужно будет вернуться в Асгард, и это путешествие может занять больше времени. Не исключено, что оно окажется вечным и я не вернусь. Если это случится, ты должен будешь хорошо себя вести с миссис Макдонаг. Но, если все пройдет успешно, мы сразу отсюда уедем.

«И куда мы направимся?»

– Я пока не знаю.

«Меня устроит любое место, если там будет колбаса и самки».

– Ха! Я никогда об этом не думал с такой точки зрения. – Я улыбнулся. – Но сейчас, когда ты помог мне навести в мозгах порядок, я удивлен, почему такие классные вещи не включают в объявления по продаже недвижимости. Пожалуй, это преступная халатность.

«Люди перепутали приоритеты, Аттикус. Я множество раз говорил об этом, но никого не интересует мудрость охотничьих собак».

– Меня интересует, приятель. Я считаю, что ты очень мудрый пес.

«В таком случае я считаю, что с твоей стороны будет разумно взять в дом французскую пуделиху».

Я рассмеялся.

– Может быть, после того как мы найдем безопасное место.

«Обещаешь?»

– Я не могу обещать, Оберон, – с огорчением ответил я и почувствовал, что он расстроился. – Но, послушай, иметь мечту хорошо, пока ты не позволяешь ей испортить твое настоящее. Я видел людей, полностью отдавшихся своей мечте, и это грустное зрелище. Если ты слишком сильно поглощен каким-то желанием – самка пуделя или личный шеф-повар по колбасе, или еще что-нибудь, – ты теряешь ощущение блаженства от биения собственного сердца, запаха травы и шороха лапок ящериц, когда ты с другом мчишься по полю.

Твоя мечта должна быть похожа на любимую старую кость, которой ты наслаждаешься, которую лелеешь и жуешь с максимальной осторожностью. И тогда, вместо того чтобы ты тяжело вздыхал о жизни в трудный час, она тебя напичкает, и ты странным образом испытываешь удовлетворение от ностальгических мыслей о будущем, таком сочном от многочисленных возможностей, благоухающем жареным в масле чесноком и декадентскими ломтями бекона, что ты почувствуешь себя сытым, хотя ничего не ел. А потом, в один прекрасный день, когда солнце улыбнется прямо в твою морду, когда наступит подходящий миг, ты сомкнешь челюсти сильнее. И мечта твоя сбудется. И тогда у тебя появится следующая.

Оберон фыркнул – так он смеялся.

«Клянусь страдающими кошками, Аттикус, ты говоришь, словно я нервный шпиц, в то время как эмоциональная стабильность у меня выше, чем у тебя. И я вполне себе получаю удовольствие от шуршащих в траве ящериц. Я уже слышал, как семь штук пробежало в зарослях лантаны. Они больше любят пурпурные и желтые, а белые заметно меньше. Вопрос лишь в том, где мне взять правильную кость?»

Глава 6

Когда у кого-то появляется хорошая идея, вы узнаете об этом следующим образом: люди сообщают своим друзьям, что данное событие изменило их жизнь. Сегодня вряд ли кто-то станет спорить, что огонь и колесо явились двумя большими шагами вперед. А вот дальнейшие попытки выстроить в порядке значимости величайшие достижения всех времен и народов рожают ожесточенные споры. Кто-то яростно защищает одних богов или других, ученые поднимают на щит Дарвина, практичные люди напомним нам про письменный язык и скажут: послушайте, друзья, причина, по которой замечательные идеи стали всеобщим достоянием, состоит в том, что кто-то придумал, как их записать.

Вечером в субботу, на следующий день после возвращения из Асгарда, я услышал об изменившем нашу жизнь изобретении (во всяком случае, жизнь некоторых): про центрифугу для обсушки салатных листьев.

– Я по-настоящему люблю мою сушилку для листьев, – призналась Грануаль. – Она изменила мою жизнь.

Она произнесла эти слова на кухне, где готовила для меня обед, который задолжала после спора о размерах Рататоска и возможности проникнуть в Асгард через Иггдрасиль.

– Извини, я на минутку, – сказал я и вышел из кухни в гостиную, где ее лэптоп имел доступ к беспроводной сети здания. Я набрал в Гугле «Центрифуга для обсушки салатных листьев изменила мою жизнь» и получил более шести тысяч совпадений. Кроме того, в Фейсбуке имелось «Общество ценителей центрифуги для обсушки салатных листьев». Не культурная революция, конечно, но у явления был потенциал, и я захотел узнать о нем больше.

– Извини за отлучку, – сказал я, вернувшись на кухню. – Пожалуйста, объясни мне, как сушилка для салатных листьев изменила твою жизнь?

– О, – Грануаль опустила взгляд, и мне показалось, что она слегка смутилась. – Ну, когда ты моешь салат-латук, трудно высушить листья, не пользуясь бумажными полотенцами, и ты тратишь кучу времени на то, чтобы убрать лишнюю воду. А если ты оставишь их мокрыми, приправа станет слишком жидкой, и вкус получится неправильный. Масло и вода не смешиваются, верно? Но теперь, – и ее голос стал низким, имитируя рекламу Дрэг-рейсинга¹⁰ на радио, – я могу использовать неукротимую мощь САЛАТОСУШКИ! – К концу Грануаль взвизгнула в маниакальном возбуждении, рука опустилась к рукояти машинки, и она начала ее отчаянно крутить, продолжая говорить с тем же безумным восторгом: – ВИДИШЬ, как центробежная сила производит МАГИЧЕСКОЕ воздействие на ВОДУ-У-У! Красный лист, зеленый лист, шпинат или руккола, НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ! Просто положи мокрую зелень в центрифугу и вращай до тех пор, пока ВСЯ жидкость не ИСЧЕЗНЕТ! СУПЕР! СУХОЙ! САЛАТ! – И Грануаль уперла сжатые кулаки в бока и непристойно качнула бедрами. – ПОПРОБУЙ САМ!

И я потерял нить повествования. До этого момента я стоял разинув рот, но когда она *так* крутанула бедрами всего лишь из-за салата, ну... я не выдержал и захихикал. Ее представление вновь и вновь всплывало перед моим мысленным взором, и его абсурдность всякий раз вызывала новый приступ хохота, и я никак не мог остановиться. Приступ оказался настолько сильным, что я свалился со стула, и это усугубило ситуацию – слезы полились у меня из глаз, я задыхался и стучал рукой по ламинированному полу. Лицо Грануаль стало ярко-красным, она опустилась рядом со мной и принялась смеяться, глядя на мою реакцию.

Постепенно мы успокоились и, не обращая внимания на болевшие от дикого смеха животы, стали есть салат, который получился на удивление сочным: шпинат и салат-латук с

¹⁰ Дрэг-рейсинг – гоночное соревнование, являющееся спринтерским заездом на дистанцию в 402 метра.

хикамой, белым луком, мандаринами и кусочками засахаренных грецких орехов. С домашней приправой из уксуса, оливкового масла и цитрусовых.

После закуски шеф-повар Грануаль Мактирнан подала жаренное на открытом огне филе исландского берикса с пловом из дикого риса, затем последовали жареные грибы портобелло, предварительно замаринованные в красном «Божоле». Несколько побегов слегка подсоленной спаржи с оливковым маслом отлично оттеняли рыбу, а бутылка «Пино Нуар» с гор Санта-Круз полностью отвечала восхитительным ощущениям, о которых любят говорить истинные ценители вина.

– Потрясающе, – сказал я, не переставая жевать. – Просто фантастика.

– Я всегда плачу по счетам, – сказала Грануаль, изогнув бровь.

– Приятно слышать. Я такой же. Однако множество людей хотели бы рассчитаться со мной совсем не таким приятным способом; вероятно, о них нам сейчас следует поговорить.

– Хорошо, – сказала Грануаль, прищурилась и указала на меня вилкой, подчеркивая каждое следующее слово ее движением. – Но если ты снова попытаешься убедить меня отказаться от намерения стать друидом, то можешь об этом забыть.

Я покачал головой и грустно улыбнулся.

– Ты еще не все знаешь.

Грануаль уже слышала про Рататоска и Иггдрасиль, и я чуть раньше поделился с ней общими сведениями об Асгарде, но не стал говорить, что там на самом деле произошло – лишь сообщил, что сумел украсть яблоко.

Теперь я рассказал ей остальное.

– Значит, Хугин и Муниин ищут тебя прямо сейчас? – спросила она, как только я закончил.

– Да, пока мы разговариваем, вне всякого сомнения. Единственная причина, по которой они меня еще не нашли, состоит в том, что они не знают, кого им следует искать. Но если у Одина появятся подозрения, что норны и его любимый конь погибли от руки друида, он поднимет в Тир на Ног такой шум, что его вóроны быстро меня найдут, потому что там все знают, где я сейчас нахожусь. Мне необходимо уехать.

– Конечно, – сказала она и помрачнела, – но... это значит, что и я последую за тобой.

– Верно, – кивнул я. – И сменишь имя. А еще прервешь все контакты со своей семьей и друзьями, чтобы их защитить. Если только не захочешь сохранить семью и друзей. В таком случае тебе придется отказаться от намерения стать друидом и жить дальше спокойно и счастливо.

Грануаль стукнула вилкой по столу.

– Проклятье, сенсей, я же сказала, что не сдамся!

– А как к этому отнесутся те, кого ты любишь, Грануаль? Поставь себя на их место. Для них все будет выглядеть так, будто я тебя похитил или ты присоединилась к какому-то культу.

– Ну... в некотором смысле это и есть культ, не так ли? – пошутила она.

Я рассмеялся.

– Пожалуй. Очень маленький – состоит всего из двух человек. Ты можешь побрить голову, если тебе хочется, чтобы все было достоверно.

Грануаль разинула рот.

– А я думала, тебе нравятся мои волосы.

О, проклятье. Она заметила. Я понимал, что здесь обречен на поражение и пора менять тему...

– Ты не ответила на мой вопрос. Разве твои родители не станут беспокоиться? Ты не сможешь часто с ними связываться. Возможно, у тебя и вовсе не будет такой возможности.

Грануаль пожала плечами и выдохнула, словно отбрасывая все сомнения.

– Я и сейчас общаюсь с ними очень мало. Они в разводе. Папа вечно занят поисками чего-то нового в колыбели цивилизации, а мама создает новую семью в проклятом *Канзасе*. – То, как она произнесла *Канзас*, убедило меня, что Грануаль не считает его колыбелью цивилизации. – Я рано дала им понять, что хочу вести независимую жизнь, и они не стали возражать.

– Однако они неплохо тебя обеспечили, – заметил я, обводя глазами кухню.

– О, да. Разве барменша может позволить себе такое жилье? За него заплачено динозаврами. Новый мамин муж, жирный нефтяник, *такой* жирный, словно он спит в контейнере с вазелином. На голове у него имеется клочок волос, который он отрастил до невероятных размеров, и он каждый день тратит кучу времени на то, чтобы прикрыть им лоснящуюся лысину. Я его терпеть не могу, и наши чувства взаимны. Когда я сказала, что хочу поступить в университет штата Аризона, он с радостью согласился заплатить по всем счетам, если я сюда перееду.

Я вздохнул и прикрыл глаза, поняв, что она не будет сильно скучать по прежней жизни и мне удалось найти идеальную ученицу. И все же я считал, что должен довести дело до конца и сообщить ей о паре факторов, которые могли повлиять на ее желание стать друидом.

– Грануаль. Я тебе когда-нибудь говорил о том, что произошло с моим последним учеником?

– Нет, но полагаю, ты хочешь рассказать о его ужасной смерти.

– Да, она была трагической. Его зарезали мавры в 997 году в королевстве Галисия. Ему оставалось всего несколько месяцев до нанесения татуировок – после чего он стал бы полноценным друидом. Он был слишком уязвим и совершенно беззащитен. С тобой в течение ближайших двенадцати лет будет так же. И у нас нет никакой возможности сократить этот срок. Здесь совсем не как в кино, где ты можешь почувствовать Силу или овладеть необходимыми умениями за трехминутный эпизод, или как в романах о юных героях, где они становятся мастерами фехтования за пару месяцев тренировок. Ты все время будешь оставаться мишенью, какой никогда не был я или Сибран.

– Сибран – это твой ученик?

– Да. Я тренировал его втайне. Местные жители считали, что я истинный христианин, один из краеугольных камней веры, и даже не подозревали, кем я являлся на самом деле. В те времена, когда я сам проходил обучение, еще до появления христианства, друидам ничего не грозило. Более того, тогда это было лучшее, что могло произойти с молодым парнем. Однако ты совсем в другом положении. Сейчас я дорогостоящая цель, и после моего следующего посещения Асгарда, чем бы оно ни закончилось, стану главным врагом целого пантеона богов. Если дела пойдут не лучшим образом, ты почти наверняка погибнешь вместе со мной. Не исключено, что ты просто выбрасываешь свою жизнь.

Грануаль поджала губы, а потом скупой улыбнулась.

– Нет, ты меня не отпугнешь. Поправь меня, если я ошибаюсь, но до сих пор счет таков: Аттикус – 5, боги – 0.

– Это неудачная аналогия. Если они наберут хотя бы одно очко, я буду мертв, а они одержат победу.

– Как скажешь. – Она подняла руку. – Мой довод таков: ты постоянно надираешь им задницы. Но это напомнило мне одну вещь, о которой я все время забываю тебя спросить: как римлянам удалось уничтожить друидов? Ты можешь путешествовать по разным мирам, использовать заклинание невидимости, менять форму и сражаться, не уставая, – так что же произошло?

– Цезарь и Минерва, – сказал я. – Вот что произошло.

Грануаль ничего не сказала, молча взяла бокал с вином и сделала глоток, вопросительно приподняв брови, рассчитывая на продолжение.

– За тем, что тогда произошло, стояло нечто большее, – признал я. – Как мне кажется, вампиры. Но мне точно известно, что Цезарь прошел маршем через Галлию, уничтожая свя-

ценные роши на своем пути, и это привело к тому, что большинство друидов не сумело ускользнуть в другие миры. В то время у нас не было возможности свободно использовать здоровые леса – это стало моей задачей в будущем. Огонь не просто сжигал дерево, он разрывал связи с Тир на Ног. И все друиды застряли на континенте. Потом Минерва нас подставила, наделив римских разведчиков способностью видеть сквозь наши заклинания невидимости, и они без проблем нас ловили.

Способность неустанно сражаться помогает не слишком сильно, когда тебя окружает когорта легионеров и начинает со всех сторон наносить колющие удары копьями. И можешь не сомневаться, именно так они и поступали. Это была методичная бойня. Кое-кто из друидов попытался улететь, превратившись в птиц, но их сбивали лучники.

– Однако некоторым все-таки удалось спастись.

– О, да. Друиды продолжали сражаться, особенно в Ирландии, потому что она изолирована от римлян. Но потом, как тебе хорошо известно, появился Святой Патрик, который проповедовал католицизм. Многие парни сравнивали трудности тяжелого двенадцатилетнего обучения, а также немалые обязательства, которые ложились на плечи друидов, с мгновенным принятием христианства и выбирали более легкую веру. Дальше все решил вопрос времени. Никто из других друидов не обладал знаниями травяной медицины Эйрмит, и все они постепенно умерли от старости, если римляне до них не добирались. И настал день, когда последний друид (не считая меня) ушел, не оставив подготовленного ученика, чтобы занять его место. Я не могу тебе сказать, когда именно это произошло, но, скорее всего, в шестом или седьмом веке.

Грануаль поставила бокал на стол и наклонилась вперед.

– Тебе следовало их всех уничтожить! Тебе подвластно могущество земли! Ты видишь, как вещи связаны между собой. Почему ты не мог, ну, ты понимаешь... – Она споткнулась и сделала неловкий жест, словно что-то ломала.

– Ну, давай, спрашивай. Каждый новичок рано или поздно задает этот вопрос.

– Ну, почему ты не можешь разорвать связь между аортой и всем остальным, к примеру? Или вызвать аневризму мозга? Изъять железо из крови?

– Я не могу из-за этого, – сказал я, поднимая правую руку с татуировками и показывая на нее левой. – Пока еще ты не можешь прочесть данные связи, но в них содержится условие. Как только ты попытаешься использовать энергию земли, чтобы напрямую причинить вред или убить живое существо – любое существо, учти, не только человека, – ты сразу умрешь. Единственная причина, по которой земля дарует друиду свое могущество, состоит в том, что мы даем клятву защищать жизнь. Вот почему, если на меня набросится носорог, я не стану разрывать ему сердце, а просто отойду в сторону.

Грануаль посмотрела на меня.

– Но это не имеет смысла.

– Конечно имеет.

– Ты рассказал мне, что сделал с норнами, ты их связал вместе и отрубил им головы.

– Я связал их *одежду* – к счастью, они были одеты. Я не творил никакой магии с телами.

И убил их при помощи своего меча.

– Это не называется защищать жизнь!

– Я защищал собственную.

– Но ты говорил мне, что Энкус Ог использовал магию, чтобы овладеть разумом Фейглса!

Грануаль имела в виду случай, который произошел в Темпе с полицейским детективом, стрелявшим в меня шесть недель назад. А так как Туата Де Дананн, как и я, связаны с землей, они должны выполнять те же правила.

– Да, он так поступил. Но его заклинание не причинило Фейглсу непосредственного вреда. Его убили полицейские из Феникса.

– А разве он не заставил Фейглса стрелять в тебя? Разве это тебе не навредило?

– Магия была направлена на Фейглса, а не на меня. И он стрелял в меня из самого обычного пистолета, не имеющего отношения к магии.

Грануаль постучала пальцем по столу.

– Но это совсем слабые различия.

– Да, и Энгус Ог превосходно в них разбирался.

– А зачем вообще нужны ограничения? Я хочу сказать, что земля должна знать, что ты используешь ее могущество, чтобы придать силу своей руке с мечом или позволить тебе прыгнуть выше и так далее.

– Да. Я использую ее силу, чтобы соревноваться. Чтобы доказать: я достоин прожить еще один день. Состязания, соперничество и охота на других животных естественны – они поощряются землей. Я все еще должен быть умнее других, должен больше уметь, чтобы выжить. И я не могу все исправить, растворяя мозг другим людям.

– Подожди. Ты постоянно изменяешь клетки кожи. Ты связываешь хлопок трусов так, что они оказываются приклеенными к коже людей. Именно так ты устроил драку между двумя полицейскими возле «Сатурна» – начав с пощечины.

– Но я не причинил им вреда. Кожа не была повреждена. Нет ущерба, нет вины.

– Ну, ладно, а как же демоны? Ты использовал против них Холодный Огонь.

– Они не являются живыми существами; они духи ада, которые принимают на земле телесную форму. Но я должен тебя предупредить, что против них не следует использовать стандартные приемы. Они устроены не так, как флора и фауна, поэтому против них не работает магия друидов, за исключением Холодного Огня. Лучше просто рубить их в капусту. Это весьма эффективно помогает избавить их от телесной оболочки.

Грануаль сдула упавшую на лицо прядь волос, а потом убрала ее за ухо, размышляя о последствиях.

– А *табу* распространяются на исцеление?

– Не то чтобы прямо, но на практике – да. Возня с тканями и органами дело очень сложное. Слишком легко совершить ошибку и причинить больше вреда, чем пользы, и тогда тебе конец. Вот почему я никогда не работаю с другими людьми; я использую магию только для собственного исцеления, потому что нет никаких запретов относительно причинения вреда себе, а я знаю свое тело очень хорошо.

– О, так вот почему ты для лечения используешь только травы.

Я кивнул:

– Да. Ты сколько угодно можешь менять связи внутри растений или воздействовать на химический состав. Это медленнее, чем прямое исцеление, но зато безопаснее. Ты не должен переступать запрет причинения кому-то вреда в результате прямого магического вмешательства, и это позволяет тебе держать свои способности в секрете. А если люди удивляются, почему твой чай или припарки так эффективны, ты можешь спокойно сослаться на уникальность своих рецептов или ингредиентов, или на что-то другое, и вопрос о магии даже не возникнет.

– А ты уверен, что ты последний живой друид в мире?

Я сделал неопределенное движение рукой – типа того.

– Все Туата Де Дананн технически друиды, потому что у каждого есть такие же татуировки, как у меня. Они могут делать все, на что способен я, и кое-что еще. Однако лучше не называть их друидами. Они предпочитают, чтобы их считали богами. – Я сардонически улыбнулся. – Дело в том, что друиды стоят ступенькой ниже. Но если говорить о существах моего уровня, я последний из тех, кто ходит по земле. Если только ты не станешь звать друидами счастливых хиппи неodruidов, которые, кажется, любят землю, но не владеют настоящей магией.

– Нет, я имела в виду таких, как ты.

– Таких, как я, больше нет. Пока ты сама не станешь друидом. Если проживешь достаточно долго.

– Я справлюсь, – заявила Грануаль. – Ты дал мне этот совершенно несексуальный амулет, чтобы у меня получилось. – Она показала на слезинку холодного железа, висевшую на золотой цепочке у нее на шее.

Мне его принесла Морриган, а я передал своей ученице.

– Но он не поможет тебе сэкономить время, – напомнил я.

– Я знаю. Как мне кажется, нужно просто исчезнуть.

– Нет, они все равно будут нас искать.

– Кто *они*?

– Оставшиеся древние скандинавы и другие боги, которые хотят показать всем, что нельзя безнаказанно убивать богов.

– А что, если они решат, что мы мертвы? Они все равно будут пытаться нас найти?

Я вздохнул и удовлетворенно улыбнулся.

– Знаешь, ты являешься для меня источником постоянной радости. Всякий раз, когда ты говоришь что-то умное, у меня появляется надежда, что ты станешь первым новым друидом более чем за тысячу лет.

Глава 7

Переезд – мероприятие хреновое.

Большинство людей согласится с этим постулатом без вопросов, однако данная фраза оставляет множество вариантов интерпретации. Насколько хреново? Ну, не так хреново, как вонь за рестораном. Его нельзя сравнивать с сердечной болью или болью после сильного удара в пах. Это больше похоже на тайный экзистенциальный страх, который я испытываю всякий раз, когда вижу железные конфеты.

В начале девяностых у меня была подруга в Сан-Диего, которая заметила, что я совершенно не знаком с современной нездоровой пищей. Однажды, когда я дремал на пляже, она решила проверить границы моего невежества, разложив на моем теле целый пакет мармеладных червячков. Она заверила меня, когда я приоткрыл один глаз, что желатиновые цилиндрики являются новым средством курортного лечения, которое называется «солнечные соломки», и что в них встроена защита от ультрафиолетового излучения, и я принял ее объяснение на веру. Я проснулся с яркими следами кукурузной патоки на теле, безмолвно и липко обвинявшей меня в убийстве червей под жарким прибрежным солнцем. Даже могучий цикл ополаскивания в Тихом океане не мог их полностью смыть; они прилипли ко мне, точно сосущие душу пиявки. После этого подруга как-то сразу исчезла из моей жизни, а я уехал из Сан-Диего тем же вечером.

Чем больше проходит времени между переездами, тем труднее следующий, потому что у тебя набираются целые груды всякой ерунды, даже если ты стараешься минимизировать потребление, как делаю я.

Глядя на море скопившихся более чем за десятилетие вещей, я радовался, что на сей раз мне придется все бросить. Если я возьму с собой хоть что-нибудь, мои враги узнают, что я сбежал. Часть из лучших вещей двадцатого века придется оставить – то, что я брал с собой при предыдущих переездах. «White Album» с автографами «Битлз». Фигурки Чубакки из вишневого дерева, в оригинальной упаковке. Бейсбольную битку с подписью Рэнди Джонсона, когда он играл за «Даймондбэкс», и пивную бутылку, которой касались губы Папы Хемингуэя.

Большую часть оружия придется бросить в гараже; все, кроме лука и колчана со стрелами, которые благословила Дева Мария, потому что они могут пригодиться. А еще я возьму Фрагары, Оберона и одежду, которая будет на мне, оставив все остальное. В общем, с домом все просто.

А вот с бизнесом куда сложнее. Если я намеревался сделать вид, что вернусь, магазин нельзя закрывать. Но у меня остался один продавец кроме Грануаль – Ребекка Дейн, и я не хотел оставлять ее одну во главе магазина, ведь именно там мои враги будут в первую очередь меня искать. По той же причине они сразу поймут, что я покинул город, а не отбросил копыта, если я закрою магазин или продам его; будет намного лучше, если они посчитают меня мертвым.

И сколько я ни пытался себя убедить, что так правильно, размышляя о том, чтобы оставить Ребекку одну в магазине, я чувствовал себя таким же ублюдком, каким по слухам является Тор. А если я найму ей в помощь кого-то еще, сходство станет еще сильнее.

Прибавьте сюда мою коллекцию редких книг, среди которых имелось несколько по-настоящему опасных манускриптов, защищенных по-настоящему опасными заклинаниями. Я не мог оставить ни книги, ни заклинания там, где они сейчас находились, но выглядеть все должно было так, будто они не покидали шкафов.

Именно из-за таких проблем мне нравится иметь адвокатов. Они делают для меня множество полезных вещей и все держат в секрете на основании закона об адвокатской тайне. После утренней пробежки с Обероном я включил для него по телевизору «Планету живот-

ных» и встретился с одним из своих адвокатов, Халом Хёуком, в кафе «Чомпиз», в Темпе. Хал заказал рогалик с копченой лососиной (о, ужас), а я выбрал рогалик с голубикой и сливочным сыром.

Хал выглядел очень деловитым, выражение его лица оставалось нейтральным, движения консервативными и точными. Он чувствовал некоторый дискомфорт в своем темно-синем костюме в тонкую полоску, что выглядело довольно забавно, поскольку костюм сидел на нем безупречно. Я знал, что он нервничает. Он не вел себя так с тех пор, как я впервые появился в Темпе, и Стая еще не определила мой статус. Мне стало интересно – неужели мой статус в Стае неожиданно изменился?

– Что ты так нервничаешь, Хал? Признавайся.

Хал пристально посмотрел мне в глаза, а я с интересом наблюдал, как его плечи заметно расслабляются, хотя для этого ему пришлось приложить некоторые усилия.

– Я совсем не нервничаю. Твоя оценка оскорбительна и безосновательна. Я ни разу не дернулся за те две минуты, что мы провели вместе.

– Я знаю, что попытка скрыть то, что тебя беспокоит, приведет к несварению твоего желудка. Давай, расскажи, что случилось, и сможешь наконец расслабиться.

Несколько секунд Хал смотрел на меня в каменном молчании, потом его пальцы принялись барабанить по поверхности столика. Да, он был на взводе. Но когда Хал заговорил, я едва слышал его голос.

– Я не хочу быть альфой.

– Ты не хочешь быть альфой? – сказал я. – Ну, в таком случае твои мечты сбылись. Гуннар – альфа, а ты пес номер два.

– Гуннар отправляется с тобой в Асгард.

Я заморгал.

– В самом деле?

Он едва заметно кивнул.

– Решение принято вчера вечером. Лейф его уговорил. А я буду альфой до его возвращения. И, если он не вернется... ну, тогда я обречен.

– Бу-га-га, включаем саркастический смех. Ты не можешь быть главным псом и говорить мне, что обречен, Хал. Никто тебе не поверит.

– Мне *нравится* быть вторым после Гуннара, – проворчал Хал. – Я не хочу принимать решения. А если он не вернется, мне придется постоянно этим заниматься. И таких решений станет в десятки раз больше, если еще и Лейф не вернется.

– Кстати, как Лейф? Он отрастил палец? – Лейф потерял палец – и едва не закончил свое существование – в схватке с немецкими ведьмами, когда те умудрились поджечь его воспламеняющуюся плоть.

– Да, он в полном порядке. Сегодня вечером придет вместе с Гуннаром тебя навестить.

– Хорошо. А с чего ты взял, что возникнут проблемы, если Лейф не вернется?

– У нас с вампирами начнется самая кровавая война в истории, если он будет отсутствовать больше месяца. Они уже начали разнюхивать.

– Прошу прощения?

– Вампиры. Они хотят захватить территорию.

– Самая кровавая война в истории разгорится из-за Темпе?

Хал посмотрел на меня, пытаясь понять, шучу я или нет.

– Его территория намного больше, чем Темпе, Аттикус. Только не говори, что ты не знал.

– Ну так я скажу. Мы с Лейфом никогда не говорили о территории, потому что меня это не интересовало, а он не хвастун. Я знаю, что Лейф в одиночку контролирует Темпе, поскольку я ни разу не почувствовал присутствия другого вампира в городе, но я не представляю, как он может управлять *большой* территорией.

Хал фыркнул, подпер руками щеки и посмотрел на меня сквозь пальцы.

– Аттикус, Лейф контролирует весь штат Аризона. *В одиночку*. Он самый крутой из крутых вампиров. И *самое* старое существо из всех, кто живет в этом полушарии, за исключением тебя и местных богов. – Хал опустил руки и склонил голову набок, как любопытный пес. – Ты действительно не знал?

– Не знал. Почему это должно было меня интересовать? Я не вампир, и мне не нужна территория Лейфа. Тебе ведь не требуется весь штат для твоей Стаи, верно?

– Ну, нет, но ты должен знать, что здесь будет происходить.

– Вовсе нет. Я переезжаю.

– Куда бы ты ни перебрался, ты это сразу почувствуешь. Такого рода вакуум власти привлекает всех амбициозных лидеров вампиров в наш штат в надежде получить для себя хотя бы часть территории. При таком раскладе они оставят за собой новый вакуум власти. Я тебе гарантирую, что, если Лейф не вернется, волна прокатится по всей стране и захватит другие страны.

– Ну, и что ты предлагаешь мне по этому поводу сделать?

– Позаботиться, чтобы Гуннар и Лейф вернулись. В таком случае мне не придется становиться альфой и беспокоиться о войне с толпами кровососущих тварей.

– Я не могу поверить, что Лейфа так боятся. Он вполне разумный парень.

– Для тебя и для меня – да. С нами он прекрасно сотрудничает. Но, насколько мне известно, он настоящий ужас для других вампиров. Они его боятся, и на то есть серьезные причины. Разве ты сам не понимаешь, что Лейф не должен был выжить после *таких* ожогов.

Я приподнял брови.

– Да? И почему?

– Это был не обычный огонь, когда можно просто сбить пламя. В него швырнули адский огонь, Аттикус. Его практически невозможно погасить. Он бы уничтожил любого другого вампира.

Наступила тишина, пока я обдумывал слова Хала. Война вампиров действительно сулила неприятности всем, но я не понимал, как ее предотвратить – мне и без того предстояло слишком много сделать. Кроме того, к собственному удовлетворению, я решил, что это не моя проблема.

– Ну а теперь перейдем к делу? – прервал молчание Хал.

– Хорошо.

Хал положил свой портфель на стол и достал блокнот. Я рассказал, что мне нужно: доставить «ФедЭксом» к завтрашнему утру примерно три сотни относительно редких книг – ничего особенного, просто старых. Кроме того, мне требовалась фирма, которая составит документы на продажу магазина Ребекке Дейн через три месяца за доллар и семьдесят два цента.

– А почему семьдесят два? – поинтересовался Хал.

– Потому что всякий, кто будет изучать условия сделки, задаст тот же вопрос. Я хочу, чтобы детектив Гефферт считал это важной уликой. Я надеюсь, на ее основе он придумает теорию заговора. Я взял это число лишь для того, чтобы сбить его с толку.

Хал пожал плечами и все записал. Кроме того, фирма должна была платить зарплату Ребекке и тем продавцам, которых она дополнительно наймет, в течение трех месяцев.

– Я дам ей знать, что она должна заниматься магазином в мое отсутствие, а если кто-то начнет задавать вопросы – отвечать, что я отправился в длительный отпуск к антиподам. – Хал приподнял бровь, но комментировать не стал.

Я принес с собой в ресторан пакет, который сейчас лежал рядом со мной на стуле. Я положил его на стол и развязал бечевку. Внутри пакета, в коробке, находилась по-настоящему редкая книга. Зеленую тканевую обложку украшали сделанная золотыми буквами надпись и рельефный орнамент из листьев. Книга сразу привлекла внимание Хала.

– Неужели это... первое издание? – спросил он.

– Угу. Крайне редкий экземпляр «Листьев травы» Уитмена. За него можно получить сто пятьдесят тысяч, вероятно, даже больше. Ты передашь эту книгу Ребекке Дейн только после того, как она купит магазин, – никак не раньше. – Я убрал книгу в коробку, и Хал не спускал с нее взгляда, пока она не исчезла из виду.

– Хорошо. – Он тряхнул головой, чтобы вернуться в реальный мир. – Что-то еще?

– Мне нужны документы для меня и моей ученицы. Выбери случайные ирландские имена.

– Хорошо, пришли мне фотографии по электронной почте. Где она будет находиться в твое отсутствие?

– Останется здесь на несколько дней, потом переберется в безопасное тайное место. – Хал посмотрел на меня, услышав не совсем обычную формулировку. – Нет, вице-президента там не будет.

– Я понял. Это все?

– Почти. Грануаль войдет с тобой в контакт через три месяца, если к этому времени я с ней не свяжусь. Если она к тебе обратится, ты должен считать меня мертвым. – Я очень надеялся, что события не примут *такой* поворот, но считал, что всегда нужно готовиться к худшему. – Я хочу, чтобы за Обероном присмотрели, желательно Грануаль, и чтобы для нее был создан денежный фонд.

Мы уточнили ряд деталей относительно фонда, а потом Хал сказал:

– У меня есть для тебя кое-какие новости. Ты помнишь, что мы наняли частного сыщика, чтобы он отыскал след группы, называвшей себя «Молоты Бога»?

– Да.

– Сыщик пропал. Считается, что он мертв.

– Хм-м-м. Следует ли нам считать, что раввин возвращается сюда с подкреплением? – Раввина Иосифа Бялика удалось уговорить мирно покинуть Темпе, но я не сомневался, что он вернется.

– Да. Вся Стая в самое ближайшее время начнет носить под одеждой легкие бронежилеты. Этого должно хватить, чтобы остановить серебряный нож.

– Кроме того, они накладывают заклинание на рукояти, так что я советую перчатки. Идея состоит в том, чтобы ты получил второй удар, когда попытаешься вытащить нож.

Хал пожал плечами.

– Магия меня не пугает. Только серебро.

«Интересно, – подумал я, – что чувствует тот, кто боится всего лишь одной вещи».

После завтрака с Халом я зашел в магазин, где нашел Ребекку Дейн. Я заметно улучшил ее настроение, сообщив, что она получает повышение в должности и в заработной плате, а потом долго объяснял, как управлять магазином. Она не сможет сама делать самые сложные чаи, требующие заклинаний, но простые травяные смеси были ей вполне по силам, в том числе мобили-чай, мой бестселлер для пожилых клиентов, страдающих от артрита.

– Если захочешь, можешь нанять дополнительных продавцов. Меня и Грануаль некоторое время не будет. Мы отправляемся на археологические раскопки к антиподам.

– О, – сказала она, и у нее на лбу появилась тревожная морщинка. – И как долго вас не будет?

– Возможно, несколько месяцев.

Да, определенно месяцы. Годы. Я подготовил ее как мог, объяснил, что адвокатская фирма Магнуссона и Хёука будет ей платить и держать в курсе событий. Она раскраснелась от возбуждения и ответственности. Ребекка была чистой, неиспорченной и дружелюбной, и нравилась моим регулярным покупателям. Она просто излучала невинность и обслуживала клиентов без малейших следов обмана или снисходительности. Я надеялся, что этого будет достаточно, чтобы спасти ее от людей, которые придут за мной и поймут, что она ничего не знает.

Я договорился встретиться за ленчем с Малиной Соколовски, лидером Сестер Трех Зорь, в пивной «Четыре Пика» на Восьмой улице. Она пришла в том же красном пальто, которое было на ней во время нашей первой встречи почти два месяца назад. Светлые волосы лежали на плечах, точно обнаженная женщина на диване, гладкие, блестящие и непростительно роскошные. Я почувствовал, как завистливые взгляды мужчин буравят мне спину, когда Малина одарила меня ослепительной улыбкой и промурлыкала мое имя.

Меня не покидало довольно необычное ощущение от того, что я заключил мир с ковен-ном ведьм, но, должен признать, команда Малины была необычной. Хотя ковен использовал людей с выгодой для себя, и всегда будет использовать, неизменно стараясь взять кого-то под контроль, они никогда не притворялись, что являются достойными гражданами. Мы сражались с ними бок о бок и поняли, что у нас много общего, на полоске эллипсоида диаграммы Венна ведьмы и друида, где мы могли встретиться – и сделать вид, что огромное множество сфер за нашими спинами есть неизведанная территория, а не зона общего комфорта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.